

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ.

Вспоминая о благодѣлѣхъ и другѣхъ, незабвенномъ мнѣ по связямъ близкаго родства, посвящаю ему строки эти, какъ слабую дань признательности и живаго сочувствія къ заслугамъ и подвигамъ усоншаго.

Послѣдній годъ жизни этого русскаго полководца, жизни, ознаменованной дѣятельностію и пламеннымъ усердіемъ его, обуревала гроза, которая, казалось, хотѣла сорвать съ главы его лавры прежнихъ побѣдъ, затмить яркіе лучи славы, которыми исторія озарила имя его на память будущихъ вѣковъ; но Провидѣніе, непостижимое въ милосердіи и въ карахъ своихъ, пріосѣнило доблестнаго мужа пальмою вѣчнаго мира: въ цвѣтѣ лѣтъ его и силы ангелъ смерти коснулся вѣждъ его въ то самое мгновеніе, когда пораженіе мятежниковъ подъ Остроленкою вновь освѣтило небосклонъ военнаго его поприща багряною зарею славы и когда побѣда служила ему вѣрнымъ залогомъ новыхъ и вѣрныхъ успѣховъ: по преодолѣніи какъ суровости зимы, такъ и отчаяннаго противоборства мятежниковъ, перейти Вислу и на валахъ главнаго города Сарматъ водрузить русскія знамена. Но когда, послѣ остроленской побѣды, послѣ уничтоженія непріятельской арміи и по обезпеченіи на нѣсколько мѣсяцевъ продовольствіемъ нашихъ

войскъ, окончательно устроены были всѣ вспомогательныя средства къ продолженію наступательныхъ дѣйствій и можно было предвидѣть, что кровавый бой вскорѣ прекратится однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ то самое время побѣдитель Кулевчинской битвы, проложившій чрезъ вершины Балканскихъ горъ храбрымъ русскимъ воинамъ путь ко вратамъ Царяграда, пораженъ былъ смертоносною стрѣлою холеры и жизнь его пресѣклась подъ мрачнымъ покрываломъ предосудительнаго о немъ мнѣнія.—Да произнесетъ потомство надъ нимъ судъ справедливый; нынѣ-же орошаютъ только слезы благодарности и умиленія облагодѣтельствованныхъ имъ скромную гробницу его, подъ хладнымъ мраморомъ которой покоится сердце праведника, вѣрнаго подданнаго и рѣдкаго друга.—Миръ праху твоему!

Смерть графини Дибичъ-Забалканской была поводомъ къ отправленію моему въ Бургасъ къ фельдмаршалу.—Изустныя повелѣнія и порученія его величества въ отношеніи къ фельдмаршалу.

По случаю смерти супруги его, скончавшейся въ С.-Петербурѣ 13-го марта 1830 года, его императорское величество Николай Павловичъ благоволилъ отправить меня, какъ ближайшаго родственника фельдмаршала, къ нему въ Бургасъ для сообщенія ему всѣхъ подробныхъ обстоятельствъ болѣзни и смерти ея, въ утѣшеніе и успокоеніе фельдмаршала.

Государь былъ столь милостивъ, что, повелѣвъ потребовать меня къ себѣ, освѣдомился подробно на счетъ этихъ обстоятельствъ и съ человѣколюбивымъ участіемъ въ печали своего полководца изволилъ дать мнѣ слѣдующія изустныя приказанія:

„Генераль! посылаю васъ къ фельдмаршалу. Скажите ему, что при горестномъ для него событіи, неожиданной, великой и чувствительной сердцу его потерѣ, я преисполненъ живѣйшимъ состраданіемъ, но при всемъ томъ, въ кругу моихъ убѣжденій, не нахожу достаточныхъ для него утѣшеній, которыя были-бы въ состояніи смягчить справедливую скорбь его, кромѣ той совершенной увѣренности, что Провидѣніе, премудрыя намѣренія котораго намъ смертнымъ сокрыты, и въ испытаніяхъ несчастія обращаетъ на насъ свое милосердіе. Скажите графу Ивану Ивановичу, что я предполагаю и даже увѣренъ, что и

онъ, какъ христіанинъ, убѣжденъ въ этой истинѣ и, слѣдовательно, полагаясь на Бога, не предастся безмѣрной печали, но разсудить, что его здоровье и жизнь драгоцѣнны мнѣ и отечеству, къ пользѣ котораго онъ содѣйствовалъ такъ часто и съ такимъ искреннимъ усердіемъ.

„Скажите также графу, что изложенныя мнѣ его желанія, которыя впослѣдствіи времени могутъ исполниться, я не намѣренъ ограничить моею волею, но предоставляю ему въ полной мѣрѣ предпринять то, что онъ для поддержанія своего здоровья и спокойствія сочтетъ необходимымъ. Мнѣ пріятно доказать ему вновь такимъ разрѣшеніемъ мое благорасположеніе, но въ то-же время я въ этомъ вижу вѣрный залогъ привязать его къ особѣ моей и къ пользѣ отечества и найти въ немъ то пламенное усердіе и самоотверженіе и ту рѣдкую преданность, которыми онъ всегда такъ похвально отличался предо многими,—и потому онъ можетъ отъѣзжать за границу или оставаться въ Россіи, какъ онъ самъ сего пожелаетъ; скажите ему однако-же и то, что хотя онъ при горестномъ событіи частной его жизни свободно можетъ предпринять все то, что въ состояніи смягчить его скорбь и успокоить раздраженныя чувства, но что я при всемъ томъ не могу скрыть преимущественное мое желаніе видѣть его сколь возможно поспѣшнѣе въ Петербургѣ и искреннимъ участіемъ въ его печали доставить ему утѣшеніе, а себѣ средства переговорить съ нимъ о предметахъ государственныхъ и о томъ, что находится въ тѣсной связи съ изложеннымъ имъ письменно желаніемъ его. Вамъ я позволяю оставаться при графѣ, какъ долго онъ того пожелаетъ“.

При полученіи этихъ высочайшихъ приказаній я въ первый разъ въ жизни удостоился счастія видѣть всемилостивѣйшаго государя моего въ такомъ близкомъ разстояніи, что мнѣ возможно было познать въ чертахъ величественнаго лица его отраженіе чувствъ душевныхъ, согласовавшихся вполне съ содержаніемъ сказанныхъ имъ словъ. Взглядъ умиленія и соотраданія, въ которомъ блистала слеза чувствительности царя, располагающаго судьбою и счастіемъ миллионовъ подданныхъ, тронулъ меня до глубины души, преисполнивъ меня такимъ восхищеніемъ, что я готовъ былъ преклонить колѣна мои предъ нимъ и сказать: государь! и я принадлежу къ числу тѣхъ, которые во всякое

время съ совершеннымъ самоотверженіемъ въ залогъ вѣрности и приверженности готовы принести въ жертву жизнь свою и все то, что имъ драгоцѣнно. — „Генераль! отправляйтесь съ Богомъ!“ Эти слова монарха исторгли меня изъ усладительнаго восторга моего; я съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ оставилъ царскіе чертоги и, прибывши домой, написалъ отъ слова до слова данныя мнѣ государемъ приказанія, чтобы ихъ безъ малѣйшаго измѣненія передать фельдмаршалу въ Бургасѣ, куда я прибылъ 29 марта вечеромъ 1830 г.

Пріѣздъ мой въ Бургасъ, встрѣча со стороны графа.

Фельдмаршалъ, получивъ черезъ фельдъегеря письмо отъ графа Чернышева, двумя сутками ранѣе моего пріѣзда зналъ уже какъ о смерти супруги своей, такъ и о томъ, что его императорскому величеству благоугодно было отправить меня къ нему. Будучи глубоко пораженъ полученнымъ извѣстіемъ и предавшись безмѣрной печали, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня и никого не принималъ къ себѣ. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ дома, бросился ко мнѣ на шею и безмолвно проливалъ слезы. Глубокая горестъ, выражавшаяся на блѣдномъ лицѣ его, покраснѣвшіе отъ безсонницы глаза, самое его безмолвіе, служили мнѣ признаками совершеннаго упадка его духа. Вошедши въ кабинетъ свой, онъ упалъ на колѣни и, взявъ меня за руку, сказалъ: „Молись со мною! да подкрѣпитъ Богъ меня милосердіемъ Своимъ и не допуститъ сдѣлаться жертвою печали и отчаянія, потому что я чуждъ преступленій, которыя предъ Его правосудіемъ могли-бы навлечь на меня такое жестокое наказаніе. Во всѣхъ поступкахъ жизни моей, сколько ихъ припомнить могу, я всегда руководствовался непомраченною упреками совѣстію, непоколебимою вѣрою, смиреніемъ и благоговѣніемъ ко Всевышнему, но при всемъ томъ я теперь лишился драгоцѣннѣйшаго сокровища моего—подруги, въ которой пріобрѣлъ все то, что могло составить счастье дней моихъ“. Голосъ его прерывался сильнымъ всхлипываніемъ, онъ закрылъ обѣими руками лицо и на нѣсколько минутъ погрузился въ тихую молитву. Ставивъ всегда графа въ нравственной силѣ характера выше себя, я былъ увѣренъ, что слова утѣшенія останутся тщетными,

что при сильномъ волненіи чувствъ его, раздраженныхъ горестію, я безмолвіемъ дамъ ему время истощить оную. Онъ всталъ, обнялъ меня и, пожавъ мою руку, сказалъ: „благодарю тебя отъ всей души за этотъ новый знакъ твоей дружбы, твоей любви ко мнѣ, отъ которыхъ ожидаю утѣшенія и участія. Расскажи мнѣ всѣ обстоятельства болѣзни и смерти незабвенной моей Женни“. Въ продолженіе моего разсказа слезы его текли изобильно, онъ не прерывалъ меня и долго еще сидѣлъ безмолвно, погружившись въ задумчивость. Вдругъ, какъ-будто пробудившись изъ тяжкаго сна, онъ сказалъ: „меня съ большою осторожностію приготовляли къ поразившему меня несчастію добрый докторъ [Шлегель и мой вѣрный Обручевъ (бывшій тогда дежурнымъ генераломъ)]; они оказывали мнѣ всевозможныя попеченія, но мрачное предчувствіе предстоявшей мнѣ потери и послѣднее твое письмо изъ Петербурга преисполнили меня непреодолимымъ смятеніемъ, а потому печальное извѣстіе не постигло меня неожиданно, но, не смотря на то, тронуло меня такъ сильно, такъ глубоко оно преклонило бодрость духа моего и разстроило во мнѣ всѣ нравственныя убѣжденія до такой степени, что самая жизнь потеряла для меня всѣ свои прелести. Мнѣ кажется, что я остался одинокимъ въ обширной степи; у меня нѣтъ дѣтей, нѣжности и любовь которыхъ могли-бы восполнить пустоту въ осиротѣвшемъ сердцѣ, и, будучи лишень всѣхъ отрадъ, мнѣ кажется, что вскорѣ я послѣдую за тою, которая замѣняла мнѣ все, что съ нею погребено“. Послѣ долгаго молчанія графъ, взявъ мою руку, сказалъ: „Прости меня, любезный другъ, за эти выраженія; я не хотѣлъ ими огорчить ни тебя, ни моихъ родныхъ: вы всѣ остались для меня залогомъ не совсѣмъ еще осиротѣвшей моей жизни; но судьба, ввергнувъ меня въ пучину мірскихъ суетъ, удалила васъ за черту домашнихъ моихъ отношеній къ вамъ; я привыкъ и безъ васъ быть счастливымъ, пользуясь единственно нераздѣльною любовію моей Женни“. Я старался успокоить его, доказывая ему неосновательность этихъ, дѣлаемыхъ самому себѣ, упрековъ. „Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ онъ меня, я не правъ передъ вами, но еще болѣе виноватъ передъ Богомъ, за то, что все свое благополучіе заключалъ въ одномъ существѣ нераздѣльно: я долженъ преклонить предъ нимъ главу свою въ смиреніи, и призвать Его милосердіе въ постигшемъ меня несчастіи“. Онъ

опять горько заплакалъ, но вскорѣ потомъ продолжалъ: „первое утѣшеніе обратилось ко мнѣ изъ сострадательнаго сердца всемилостивѣйшей нашей императрицы, изъявленное въ собственноручномъ письмѣ ея величества, доставленномъ ко мнѣ послѣднимъ фельдъегеремъ“. Съ сими словами передалъ онъ мнѣ для прочтенія письмо, на столѣ лежавшее; оно начертано было собственною рукою ея величества ¹⁾. „Вторымъ я обязанъ графу Александру Ивановичу Чернышеву, письмо котораго удостовѣряетъ меня вновь въ истинѣ его дружества и участія“.

Первые дни моего пребыванія въ Бургасъ; совершенное бездѣйствіе фельдмаршала по дѣламъ службы.—Сообщеніе ему приказаній, данныхъ его величествомъ мнѣ, при отправленіи моемъ. — Воспоминаніе обстоятельства, непріязненно будто-бы противъ него направленнаго.

Фельдмаршалъ еще до пріѣзда моего находился въ болѣзненномъ состояніи; пріѣздъ мой и разговоръ со мною разстроили его еще болѣе: онъ занемогъ совершенно; не смотря однако же на то, онъ на другой день поутру казался спокойнѣе духомъ. Съ большою осторожностію коснулся я предмета его занятій по обязанностямъ главнокомандующаго, узнавъ наканунѣ, отъ генерала Обручева, что онъ со дня полученія печальнаго извѣстія прекратилъ оныя совершенно и, казалось, совершенно позабылъ, что онъ главнокомандующій. Онъ какъ-будто пробудившись изъ задумчивости, сказалъ: „Завтра я опять займусь дѣлами“, и тотчасъ отдалъ нужныя приказанія. Вечеромъ, когда я примѣтилъ, что онъ довольно уже успокоился и разговоръ касался до отвлеченныхъ предметовъ, я сообщилъ ему приказанія его имп. величества и вручилъ ему бумагу, на которой я въ Петербургѣ написалъ оныя. Тогда черты блѣднаго его лица покрылись снова румянцемъ, взглядъ опять освѣтился огнемъ свойственной ему пылости, онъ медленно и съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ строки эти и, повидимому, былъ тронутъ содержаніемъ оныхъ

---

¹⁾ Сей драгоцѣнный документъ, находясь послѣ смерти фельдмаршала въ секретномъ ящикѣ его бюро, мнѣ одному извѣстномъ, доставленъ вмѣстѣ съ другими документами его имп. вел.

до глубины души; утирая нѣсколько слезъ, онъ сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ:

— „Пока у меня была жена, обязанности жизни моей были раздѣлены между нею и долгомъ службы, теперь-же я одному государю посвящаю остатокъ дней моихъ,—ему, царю великодушному, который на престолѣ величія сохранилъ всѣ достоинства и добродѣтели частнаго человѣка. Я никогда не могъ сомнѣваться въ оныхъ, и всегда оставался вѣрнымъ своему убѣжденію, даже тогда, какъ я подписывалъ трактатъ Адрианопольскаго мира и недоброжелатели мои старались поколебать мою вѣру. Но испытавъ въ жизни моей уже нѣсколько разъ хитросплетенія интриги царедворцевъ и будучи отъ природы, можетъ быть, слишкомъ недоувѣрчивъ къ онымъ, я проникъ вѣроятную цѣль сдѣланнаго мнѣ сообщенія, въ которомъ старались выставить въ самомъ злобномъ вездѣ незаслуженную несправедливость, оказанную мнѣ, предполагая, что она глубоко огорчитъ меня и уменьшить во мнѣ ту благодарность, которую я всегда питалъ къ наилучшему изъ государей, коего милости, довѣріе и снисхожденіе возлагаютъ и теперь на меня священный долгъ принадлежать ему навсегда безусловно и съ совершеннымъ самоотверженіемъ“. Въ продолженіе разговора фельдмаршалъ упомянулъ, что хотя и блаженной памяти въ Бозѣ почивающимъ государемъ Александромъ Павловичемъ осчастливленъ былъ довѣріемъ и милостями, но никогда не удостоивался получить отъ его величества собственноручныхъ писемъ, но отъ императора Николая Павловича имѣетъ таковыя въ значительномъ числѣ.

Вновь воспріятая дѣятельность графа по дѣламъ службы.—Поѣздка на вершину горы Странжен, близъ Бургаса.—Примѣръ нѣжнаго его расположенія къ родственникамъ. — Назначеніе мнѣ времени, когда я могъ бесѣдовать съ графомъ.

На другой день фельдмаршалъ, по прежде заведенному порядку, снова началъ заниматься дѣлами по управленію арміею. Окончивъ свои занятія, онъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ верхомъ въ Странжейскія горы, составляющія въ окрестностяхъ Бургаса отрасль Балканскихъ; мы отправились туда въ сопровожденіи адъютанта его, полковника Будберга, казачьяго офицера и двухъ ординарцевъ. Взобравшись по крутымъ дефилямъ

и косогорамъ на вершину высочайшей изъ этихъ горъ, мы спѣшили; фельдмаршалъ указывалъ мнѣ вдали едва примѣтные пункты, отражавшіеся на изумрудномъ зеркалѣ черноморскаго Бургасскаго залива, зоркіе глаза его открывали тамъ Сизополь, Айдось, Мезинбрію и Ахіоло. Въ пышной зелени начавшейся весны разцвѣтали у ногъ нашихъ разные цвѣты тамошняго края. Графъ, набравъ полный букетъ, отдалъ мнѣ его съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ раздѣлить его между тремя моими дочерьми для храненія ихъ въ знакъ памяти и воспоминанія моего пребыванія за Балканами. На обратномъ пути графъ сказалъ мнѣ: „я тебя сегодня утромъ долго ожидалъ; ты можешь входить ко мнѣ во всякое время, за исключеніемъ того, когда я занимаюсь съ чиновниками дипломатическаго корпуса. Во избѣжаніе скуки моя походная бібліотека къ твоимъ услугамъ, и мнѣ желательно видѣть тебя по утрамъ до 8 часовъ, а послѣ обѣда отъ семи часовъ“.

Во все время пребыванія моего въ Бургасѣ я пользовался этимъ правомъ и вечернія бесѣды съ нимъ были для меня пріятнѣйшимъ занятіемъ, въ продолженіе коихъ фельдмаршалъ съ откровенностію сообщалъ мнѣ важнѣйшія происшествія жизни своей, не скрывая предо мною сужденій своихъ объ особахъ и предметахъ, въ кругу которыхъ проводилъ оную; нерѣдко онъ излагалъ всѣ подробности сраженій, въ которыхъ онъ имѣлъ случай отличиться или командовать; часто упоминалъ о событіяхъ и важнѣйшихъ эпохахъ службы своей, о характерѣ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ. Мнѣ казалось, что онъ находилъ нѣкоторую отраду передавать мнѣ подробно все то, что нѣкогда могло послужить къ составленію этихъ строкъ (но нѣкоторые особенные случаи онъ просилъ меня сохранять въ тайнѣ, что я и исполнилъ). Я ежедневно разговоры наши заносилъ въ журналъ и нынѣ, не имѣя постоянного занятія по службѣ, пользуюсь свободнымъ временемъ къ написанію этихъ воспоминаній.

Подробное описаніе Кулевчинскаго сраженія.

Однажды вечеромъ разговоръ нашъ коснулся до Кулевчинскаго сраженія. Графъ взялъ карандашъ, начертилъ слегка позиціи нашихъ корпусовъ, расположенныхъ къ атакѣ, и боевой порядокъ непріятеля. Слова его при этомъ были слѣдующія: „Окруживъ Силистрію и простоявъ довольно долго подъ стѣнами этой крѣпости, я получилъ донесеніе отъ генерала Рота, что турки въ большихъ массахъ, оставивъ Шумлу, двинулись чрезъ Балканы противъ него; я рассчиталъ разстояніе между Шумлою и непріятелемъ и убѣдился, что быстрымъ движеніемъ главныхъ силъ нашей арміи, расположенной около Силистріи, я по кратчайшей линіи направленія къ Балканамъ успѣю занять позицію, которая заставитъ визиря вступить въ сраженіе по сію сторону Балканъ, въ томъ съ его стороны предположеніи, что противъ себя не будетъ имѣть почти всю нашу армію; притомъ я полагалъ возможнымъ зайти ему въ тылъ и стать на дорогу, ведущую въ Шумлу. Въ обоихъ случаяхъ я думалъ одержать надъ непріятелемъ значительный перевѣсъ и совершенный успѣхъ, ежели стратегическій расчетъ мой о времени и разстояніи окажется вѣрнымъ. Убѣдившись дѣйствительно въ вѣрности этого расчета, я безъ малѣйшей потери времени приказалъ арміи нашей со всевозможною тишиною выступить немедленно въ походъ, но въ то-же время оставилъ подъ Силистрією столько войска, чтобы удаленіе прочихъ не могло сдѣлаться извѣстнымъ осажденнымъ. Генералу Роту я приказалъ употребить всѣ возможные военныя средства, чтобы навлечь визиря болѣе и болѣе на себя, и въ случаѣ необходимости для достиженія этой цѣли вступить съ нимъ даже въ невыгодный для насъ бой съ тѣмъ, чтобы въ это время приблизиться или стать на Шумлинскую дорогу. Усиленнымъ маршемъ, съ возможною тишиною, одушевленные бодростью и надеждою на успѣхъ, наши храбрыя войска достигли почти безъ препятствій до предназначенной цѣли; генераль Бутурлинъ при этомъ случаѣ сдѣлалъ непростительную ошибку; но успѣхъ Кулевчинскаго сраженія послужилъ мнѣ пріятнымъ поводомъ оставить сію его ошибку безъ строгаго взысканія.

„Армія наша, находившаяся подъ Силистрією, обошла нака-

нунѣ сраженія на правомъ флангѣ нашемъ форпосты непріятельскіе на такомъ близкомъ разстояніи, что я опасался, что насъ откроютъ на походѣ.

„Слѣдованіе нашихъ колоннъ къ атакѣ распредѣлено было мною предварительно; важнѣйшее назначеніе поручено было корпусу графа Петра Палена: стать на правомъ флангѣ нашемъ и обхватить лѣвое крыло непріятельской арміи, для воспрепятствованія отступленію его по дорогѣ къ Шумлѣ. Такое порученіе доказывало неограниченную мою довѣренность къ нему и къ военнымъ его способностямъ.

„Прочимъ колоннамъ, находившимся одна отъ другой въ опредѣленныхъ дистанціяхъ, оставаясь однако-же въ непосредственной коммуникаціи, назначено было слѣдовать по разнымъ направленіямъ, такъ что, достигая позицію, они всѣ вмѣстѣ составляли полукружіе около позиціи непріятеля, занимая діаметръ или хорду этого полукружія.

„Первая позиція этихъ колоннъ находилась въ такомъ разстояніи, что непріятель не могъ открыть приближенія ихъ ранѣе, пока графъ Паленъ съ корпусомъ своимъ не станетъ въ свою позицію. Для достиженія этой цѣли я долженъ былъ занять визиря авангарднымъ сраженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рекогносцировать силы и мѣстоположеніе его арміи, съ тѣмъ чтобы, при полученіи извѣстія о прибытіи всѣхъ нашихъ колоннъ на свои мѣста, начать рѣшительный бой.

„Расположеніе непріятельской арміи на позиціи было въ тактическомъ отношеніи почти неприступно, хотя въ тылу ея и находились Балканскія горы, но въ нихъ не было удобныхъ къ отступленію проходовъ. Боевой ея порядокъ находился на пространной равнинѣ, на уступѣ или предгоріи Балканъ, имѣя передъ правымъ флангомъ крутыя скалы и глубокія неприступныя пропасти. Центръ и часть лѣваго крыла имѣли передъ собою довольно отлогую покатость къ намъ въ долину, упиравшуюся опять въ пространную площадь въ видѣ амфитеатра, или террасы съ уступомъ. Съ этой террасы вела такая же покатость, какъ первая, въ самую долину, въ которой расположенъ былъ мой авангардъ и откуда въ рѣшительную минуту должна была послѣдовать вся атака нашихъ колоннъ. Лѣвый-же флангъ непріятельской арміи упирался въ весьма отлогій спускъ, или

косогоръ, до самой долины, по направленію къ Шумлинской дорогѣ. На площади этого перваго уступа, лежащаго противъ насъ, должно было завязаться авангардное сраженіе и продолжаться до тѣхъ поръ, пока извѣстіе о приходѣ Паленскаго корпуса на свое мѣсто въ виду непріятеля не подастъ сигнала къ общему на турокъ нападенію. Одновременное появленіе нашихъ колоннъ съ появленіемъ графа Палена на Шумлинскую дорогу, по расчету моему, должно было распространить ужасъ и отчаяніе въ рядахъ непріятеля, нанося имъ пораженіе ранѣе, чѣмъ смертоносныя ядра нашей отличной артиллеріи.

„Слабый лучъ надежды на успѣхъ ожидаемаго пораженія исчезалъ съ лицъ окружавшихъ меня генераловъ свиты моей когда въ начатомъ авангардномъ сраженіи новыя массы турокъ безпрестанно, какъ водопадъ, спускались съ верхней огромной площади на поле битвы, поражая и почти уничтожая гѣхотныя карре, причемъ у насъ отбили нѣсколько пушекъ. Сердце мое обливалось кровью при видѣ нашихъ жертвъ. Съ судорожнымъ движеніемъ я старался скрывать чувства мои и съ неописаннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣщенія отъ графа Палена, ободряя малый отрядъ отступавшаго авангарда надеждою на скорый успѣхъ. Бой на первой площади прекратился, непріятель придвинулъ теперь къ себѣ на верхнюю площадь отрядъ свой, бывший въ сраженіи.

„По окончаніи главнаго сраженія я узналъ отъ нѣкоторыхъ турокъ, что визирь въ то время собиралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить вступить-ли ему въ сраженіе съ нами или нѣтъ, потому что дошедшіе до него слухи о появленіи всей нашей арміи, находившейся подъ Силистрією, казались ему невѣроятными, вслѣдствіе чего онъ и не рѣшался на отступление, хотя имѣлъ еще къ тому возможность; между тѣмъ прибывали къ нему новыя гонцы, увѣрявшіе его въ истинѣ прежнихъ слуховъ, а наконецъ онъ самъ увидѣлъ на разныхъ пунктахъ движеніе нашихъ колоннъ, слѣдовавшихъ по разнымъ направленіямъ къ одному средоточію. Удивленіе и предчувствіе постигающаго его несчастія, по разсказу плѣнныхъ офицеровъ, овладѣли имъ совершенно. Онъ мѣвъ на нѣсколько минутъ, онъ потомъ далъ повелѣніе защищаться. Смущеніе и безпорядокъ сообщились всему турецкому войску, которое въ густыхъ массахъ,

сосредоточенныхъ къ центру, ожидало нашего нападенія. Въ то самое время я получилъ отъ графа Палена давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое извѣстіе и, увидѣвъ приближеніе моихъ прочихъ колоннъ, я тотчасъ приказалъ занять опять площадь авангарднаго сраженія. Генералъ Арнольди предложилъ принять на себя диспозицію и дѣйствіе нашей артиллеріи.

„Черезъ зрительныя трубы оказалось, что между турками распространились нерѣшимость и смятеніе; первыя гранаты, брошенныя генераломъ Арнольди, взорвали на воздухъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ среди густой толпы мусульманъ. Эти удачныя выстрѣлы и извѣстіе, что одинъ корпусъ нашихъ войскъ занялъ Шумлинскую дорогу, на лѣвомъ флангѣ непріятеля, произвели между турками совершенное смятеніе и разстройство; повтореніе таковыхъ-же удачныхъ выстрѣловъ ядрами и гранатами изъ нашихъ пушекъ и громкое ура нашихъ храбрыхъ войскъ, огласившее воздухъ съ разныхъ мѣстъ долины, окончательно прекратили всякое сопротивленіе турокъ; ужасъ объялъ всѣхъ; нѣсколько тщетныхъ выстрѣловъ по насъ были послѣднимъ знакомъ ихъ противуборства: вся армія обратилась безъ всякаго порядка въ бѣгство; шумъ нашего оружія въ кустарникахъ, облежавшихъ позицію непріятеля, побѣдоносные крики нашихъ солдатъ, вздымавшихся по крутымъ обрывамъ лѣваго нашего фланга, массы нашихъ колоннъ, приближавшихся съ музыкою и распущенными знаменами къ общему занятію верхней площади, удвоили поспѣшность бѣгства турокъ съ мѣста ихъ позиціи. Они оставили тамъ все бывшее съ ними: пушки, зарядные ящики, палатки, оружіе всякаго рода и весь обозъ. Турки устремились въ бѣгствѣ своемъ въ лѣса Балканъ, находившіеся въ тылу ихъ; въ полчаса верхняя площадь была занята нашими войсками, которыя въ сумракѣ вечера избили оставшихся тамъ турокъ, пока наступившая ночь не прекратила ужаснаго кровопролитія. Такимъ образомъ самая блестящая побѣда, каковой подобной я не былъ свидѣтелемъ, одержана вслѣдствіе моихъ стратегическихъ расчетовъ. Побѣда эта, не стоившая намъ почти ни одной жертвы, кромѣ тѣхъ, которые пали въ авангардномъ сраженіи, возвратила мнѣ довѣріе и моихъ генераловъ, и моихъ солдатъ; меня опять одушевила надежда съ помощію Всевышняго оправдать вновь то довѣріе моего всемилостивѣй-

шаго государя, съ которымъ онъ меня назначилъ главнокомандующимъ арміею противъ турокъ; порукою этого довѣрія служить пожалованіе мнѣ этой полусабли, которую государь самъ носилъ на бедрѣ своемъ. Въ рукахъ моихъ она обратилась въ жезлъ фельдмаршальскій, котораго я въ одиночествѣ моемъ не сложу до гроба, ежели на это согласится его величество“.

Посѣщеніе госпиталей, расположенныхъ въ палаткахъ предъ Бургасомъ.
Приключеніе при семь случаѣ.

Послѣ этого разсказа графъ на другой день поѣхалъ со мною верхомъ въ военный госпиталь, устроенный недалеко отъ Бургаса въ палаткахъ, и при посѣщеніи этомъ остался очень довольнымъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатокъ расположена была особливая группа такихъ-же палатокъ, въ которыхъ, какъ мнѣ говорили, находились зачумленные больные. На обратномъ пути фельдмаршалъ выбралъ другую дорогу по берегу Чернаго моря, на которой въ одномъ мѣстѣ навислая скала, въ видѣ полуарки, на 20 сажень протяженія, оставила узкую полосу между собою и моремъ. Въ этотъ день однако-же вслѣдствіе довольно сильнаго вѣтра съ моря эта полоса находилась подъ водою. На мое замѣчаніе, что проѣздъ по этому мѣсту будетъ затруднителенъ, графъ отвѣчалъ: „нѣтъ, вода здѣсь не глубока,“ и съ этими словами поѣхалъ далѣе; но вода была довольно глубока и доходила до стремянъ нашихъ сѣделъ; я уговаривалъ графа возвратиться, ибо зналъ, что хотя онъ смѣлый, но весьма посредственный ѣздокъ, и видѣлъ, что навислая скала съ правой стороны, въ случаѣ опасности проѣзда, не давала возможности къ спасенію. Онъ на мое предложеніе не обратилъ никакого вниманія и прищпорилъ свою лошадь, которая, будучи вообще смирна, въ этомъ случаѣ никакъ не хотѣла глубже погружаться въ волны, пѣнившіяся здѣсь у подошвы скалъ, но графъ принудилъ ее вплавъ вынести его на другой берегъ этого полутунеля. Конвойные казаки окружили насъ быстро съ обѣихъ сторонъ и тамъ намъ удалось, промокши до пояса, пробраться. Графъ, улыбаясь, сказалъ: „Я не полагалъ, чтобъ лужа эта была такъ глубока“. — Пустившись затѣмъ во весь галопъ, мы благополучно доѣхали до Бургаса, гдѣ вечеромъ

обыкновенная наша бесѣда опять началась разсказами фельд-маршала.

Сообщенія о графѣ Толѣ и разсужденія фельдмаршала о магнетизмѣ.—Сообщенія о генералѣ Нейдгартѣ, по случаю назначенія его начальникомъ штаба арміи, взаимныя графа Толя.

— „Не слыхалъ ты чего-нибудь въ Петербургѣ про графа Толя?“ спросилъ меня графъ.

— „Послѣ приѣзда своего изъ арміи“—отвѣчалъ я—„онъ находится въ кругу своего семейства и съ отеческою заботливостію присутствуетъ при леченіи своего сына посредствомъ магнетизма у нѣкоей г-жи Турчаниновой“.—Я разсказалъ графу, что я самъ чрезъ генерала Дризена, котораго сынъ также ищетъ у этой особы исцѣленія, нѣсколько разъ получалъ дозволеніе быть у ней во время лечебныхъ часовъ, что я самъ былъ свидѣтелемъ психологическихъ и физическихъ явленій, произведенныхъ вперившимся постояннымъ взглядомъ этой дамы въ исцѣляемыхъ ею дѣтей, но что до моего отъѣзда изъ Петербурга никто изъ этихъ несчастныхъ не вылечился совершенно. Графъ возразилъ на это:

— „Вліяніе магнетическаго сообщенія изъ здороваго тѣла въ раздраженное тѣло слабаго больного теперь, кажется, уже совершенно признано истиною, но я полагаю, что связь между тѣлеснымъ и духовнымъ мірами посредствомъ магнетизма такъ нѣжна, что почти невидимыя нити ея легко разрываются и дѣйствительное существованіе этого вліянія облечено такимъ священнымъ и таинственнымъ покровомъ, что донынѣ еще человѣчество не проникало въ глубину ея загадочныхъ явленій. Впрочемъ, я увѣренъ, что эту таинственность, которою прикрито непонятное сплетеніе между душою и тѣломъ различныхъ особъ, часто употребляютъ во зло для корыстолюбивыхъ цѣлей. Но обратимся опять къ графу Толѣ,—болѣзненное состояніе котораго побудило меня уволить отъ дальнѣйшей службы при мнѣ. Я удивлялся, какъ упадокъ жизненныхъ силъ могъ разстроить и понизить въ немъ всѣ нравственныя способности до такой степени, что упавшій духъ его возбудилъ во мнѣ сожалѣніе. Каждый разговоръ съ нимъ разстраивалъ его

до слезъ, онъ отчаявался когда-либо увидѣть свое семейство,—и человѣкъ съ такимъ твердымъ характеромъ и разсудительнымъ умомъ—обратился въ дитя, такъ что я долгомъ счелъ удалить его отсюда, гдѣ онъ навѣрное сдѣлался-бы жертвою меланхолии¹⁾. Я узналъ, что многіе въ графѣ Толѣ видѣли моего врага и соперника; до сихъ поръ я еще не вѣрю этимъ слухамъ. Можетъ быть, дѣйствительно, было нѣкогда время, гдѣ мы съ нимъ въ однихъ чинахъ, равными шагами старались достичь одной и той-же цѣли, а потому и были другъ другу соперниками; можетъ быть, онъ, увлекаясь этимъ духомъ соперничества въ 1822 году, горько порицалъ мои дѣйствія по званію начальника моего штаба. Я въ немъ находилъ вѣрнаго и усерднаго помощника, преданнаго мнѣ друга и честнаго человѣка, который ни въ усердіи, ни въ готовности пожертвовать собою въ пользу своего государя мнѣ не уступаетъ. Я почитаю его отъ всей души, жалѣю о немъ и его отсутствіи, какъ другъ; но радуюсь, что непосредственно содѣйствовалъ сохраненію этого государственнаго мужа на будущее время для выгодъ отечества. Я хотѣлъ его замѣнить генераломъ Нейдгартомъ и просилъ государя императора о назначеніи его ко мнѣ на мѣсто графа

---

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ вполне подтверждаетъ приведенный здѣсь отзывъ графа Дибича о болязненномъ состояніи графа Толя послѣ занятія Адрианополя. — Данилевскій пишетъ: „къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что большая часть нашихъ генераловъ, въ томъ числѣ и первенствующихъ, всѣ желали мира и скорого возвращенія въ Россію; во всѣхъ были признаки какой-то усталости, конечно вслѣдствіе болязненнаго состоянія, въ которомъ почти всѣ находились. Преимущественно сопротивлялся нашему дальнѣйшему походу начальникъ штаба и слѣдственно второе лице въ арміи, графъ Толъ, котораго мнѣніе во всемъ уважаемо было главнокомандующимъ. Онъ лежалъ въ то время на одрѣ болязни и съ постели своей не переставалъ твердить о погибели, ожидающей насъ въ Константинополѣ, и что султану надобно было подать какое-нибудь средство къ спасенію, не доведя его до отчаянія. (Qu' il fallait laisser au sultan une issue pour s'échapper). Я не находилъ въ немъ болѣе того пламеннаго человѣка, котораго я видѣлъ при заревѣ Москвы, не отчаивающагося въ спасеніи Россіи и подающаго совѣтъ идти на калужскую дорогу и два года послѣ того въ замкѣ Сомпью рѣшающаго двинуться на Парижъ“.

Данилевскій приписываетъ странныя мнѣнія графа Толя болязненному его состоянію и неограниченной—хотя въ сихъ обстоятельствахъ весьма неумѣстной—привязанности его къ семейству, съ которымъ онъ хотѣлъ сколь можно скорѣе увидѣться во что бы то ни стало.

Толя".—Фельдмаршалъ замолчалъ. — Я нарушилъ молчаніе его чрезъ нѣсколько минутъ.— „Нейдгартъ" —сказалъ я— „мнѣ родственникъ, а потому я былъ у него въ день моего отъѣзда, онъ показывалъ мнѣ копію съ письма, которое онъ тебѣ писалъ по этому случаю, и объяснилъ мнѣ всѣ причины, которыя заставили его отклонить отъ себя званіе начальника штаба ввѣренной тебѣ арміи". Графъ прервалъ меня, сказавъ: „Ежели отношеніе его ко мнѣ оставалось въ томъ видѣ, какъ я имѣлъ право ожидать это, и ежели признательная преданность его ко мнѣ, какъ онъ меня часто увѣрялъ, дѣйствительно была непритворна, то всѣ затрудненія перевода его ко мнѣ могли быть устранены. Но руководствуясь всегда правиломъ: принимать людей такими, какъ они суть, но не тѣми, которыми они должны быть, я поставилъ меня самого на его мѣсто и старался вникнуть въ его служебныя и семейныя отношенія и въ уваженіе ихъ оправдывалъ его въ душѣ моей, но желалъ въ то-же время, чтобы онъ съ дружескою откровенностію сообщилъ мнѣ все то, о чемъ я теперь могу только догадываться. Онъ всегда останется хитрымъ дипломатическимъ политикомъ; грѣшно ему такимъ быть и противъ меня".

О генералѣ Вахтенѣ.

„Знаешь ты генерала Вахтена, нынѣшняго моего начальника штаба"?—спросилъ меня графъ. — „Только по имени".— „Познакомься съ нимъ"—продолжалъ графъ— „я его искренно уважаю, какъ честнаго, усерднаго и дѣятельнаго слугу государева, жалѣю только о томъ, что множество полученныхъ имъ ранъ и болѣзненное состояніе его здоровья вскорѣ сдѣлаютъ его навсегда неспособнымъ къ продолженію службы".

О генералахъ Бергѣ и Обручевѣ, полковникахъ Сотниковѣ и Зуровѣ, сенаторѣ Абакумовѣ.

„Ты здѣсь познакомился съ генераломъ Бергомъ, моимъ нынѣшнимъ генераломъ-квартирмейстеромъ. Это отличный офицеръ, созданный для своей должности, одушевленный пламеннымъ усердіемъ, какъ я подобнаго не встрѣчалъ. Онъ невоз-

можного не признаетъ, ежели оно можетъ быть преодоленно храбростью и скорою рѣшимостью; безъ усталости по своей олжности, съ неограниченною готовностью исполнять приказанія своихъ начальниковъ; одно, что я въ немъ порицаю, состоитъ въ томъ, что онъ, презирая всѣ затрудненія обстоятельствъ въ предпріятіяхъ, самое достиженіе успѣха считаетъ слишкомъ мелкимъ. Но онъ созрѣетъ въ школѣ опыта до степени полководца. Моего Обручева ты знаешь съ давнихъ временъ, равно и мои понятія о немъ; вы привыкли его принимать какъ родственника, на что онъ, по преданности и любви ко мнѣ, такъ часто мною испытанныхъ, имѣетъ полное право. Полковники Зуровъ и Сотниковъ весьма хорошіе и трудолюбивые чиновники, каждый по своей части; они составляютъ также кругъ моихъ приближенныхъ. Абакумову я въ продолженіе кампаніи много обязанъ содѣйствіемъ и распоряженіями его на счетъ продовольствія арміи, затрудненіе котораго въ здѣшнемъ краѣ я постигнулъ; у него болѣе практической опытности, чѣмъ теоретическихъ познаній по порученной ему части; я полагаю, что онъ лично мнѣ преданъ по признательности, потому что мнѣ однажды представился случай законными средствами защитить его отъ послѣдствій интриги, которая была направлена противъ него и могла его лишить милости государя императора. — Ежели мнѣ когда-нибудь еще случится быть главнокомандующимъ, то я Абакумова опять возьму къ себѣ генераль-провіантмейстеромъ“.

О генералѣ Левенштернѣ.

— „Моимъ добрымъ Левенштерномъ я имѣлъ всегда причины быть чрезвычайно довольнымъ. Боязливая его заботливость о сохраненіи артиллеріи и парковъ въ должной исправности, о доставленіи арміи всегда достаточныхъ зарядовъ, обратила на него мое особенное вниманіе и благодарность. Исправностію нашихъ парковъ я обязанъ тому, что могъ ихъ иногда употребить въ такихъ случаяхъ и по такимъ предметамъ, для которыхъ они не назначены. Многимъ я ему обязанъ, особливо-же всегдашнюю исправностію главнаго нашего оружія—артиллеріи. Ежели ты здѣсь соскучишься, то познакомясь со всѣми тѣми

сотрудниками моими, которыхъ я тебѣ назвалъ“. Я и исполнилъ это въ продолженіе моего пребыванія въ Бургасѣ.

Аудіенція двухъ турецкихъ аяновъ у фельдмаршала.

Въ этотъ день графъ ожидалъ къ себѣ депутацію двухъ турецкихъ аяновъ, которымъ поручено было сообщить фельдмаршалу просьбы высшаго турецкаго правительства, чтобы армія папа, на основаніи заключенныхъ мирныхъ трактатовъ, оставила сколь возможно скорѣе Забалканскія провинціи. Графъ дозволилъ мнѣ быть свидѣтелемъ этого церемоніала.

Турецкіе аяны (начальники провинцій) явились въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ съ золотыми обшивками, безъ чалмъ, вмѣсто которыхъ на головахъ ихъ были, султаномъ Махмудомъ вновь введенныя, фески. На лицахъ ихъ выражалось спокойствіе, во всѣхъ движеніяхъ и пріемахъ—достоинство; одинъ изъ нихъ былъ старикъ, съ сѣдою бородою, лѣтъ за шестьдесятъ; другому было, кажется, около 48 лѣтъ. Со сложенными на груди крестообразно руками, они при входѣ въ аудіенцъ-комнату поклонились фельдмаршалу очень низко, который указалъ рукою, чтобъ они усѣлись на диванъ. Они спустили туфли и сѣли съ поджатыми ногами на приготовленныя для нихъ на диванѣ сафьянныя подушки. Графъ былъ въ парадномъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ и со звѣздою этого ордена въ брилліантахъ; онъ также усѣлся на диванъ. При аудіенціи находились д. с. сов. Фонтонъ, чиновникъ Гильфердингъ ¹⁾, служившіе по министерству иностранныхъ дѣлъ. При аянахъ находился переводчикъ.

Прежде чѣмъ начались переговоры, подавали имъ всѣмъ конфеты, варенья, кофе и, наконецъ, двумъ аянамъ и фельдмаршалу—трубки; послѣдній, впрочемъ, не терпѣлъ табаку, въ какомъ-бы онъ видѣ ни употреблялся; но графъ, сдѣлавшись здѣсь жертвою этикета, взялъ трубку и началъ пускать весьма

---

¹⁾ Ѳеодоръ Ивановичъ Гильфердингъ, вnosлѣдствіи сенаторъ и начальникъ архива мин-ства иностр. дѣлъ въ Спб. † 1864 г.

неловко густыя облака дыму. Между тѣмъ, чрезъ переводчика открылись переговоры и кончились черезъ 20 минутъ тѣмъ, что фельдмаршалъ велѣлъ передать турецкому правительству обѣщаніе, что на основаніи трактатовъ русскія войска въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1830 г.) оставятъ турецкія владѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ расположенія находится еще и останется значительное количество овса, заготовленнаго для кавалеріи. Овесъ этотъ фельдмаршалъ уступаетъ турецкому правительству въ подарокъ, чтобы подать средство засѣять въ долинахъ Румеліи тѣ поля, которыя, по военнымъ дѣйствіямъ, оставались осенью безъ посѣва. Аудіенція кончилась обоюдными увѣреніями въ продолженіи дружескихъ сношеній. Аяны отклонивались такъ-же низко, какъ при появленіи на конференцію.

Разговоръ о будущемъ назначеніи графа по службѣ.—Сообщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, по случаю поѣздки фельдмаршала въ Грузію, и сужденія его о генералахъ Ермоловѣ и Паскевичѣ.—Объ интригѣ, существовавшей тогда къ отправленію графа Дибича въ Грузію.—Сужденія о нашихъ полководцахъ.

Вслѣдствіе всего видѣннаго мною, спросилъ я графа, куда онъ на первый случай полагаетъ перенести главную квартиру свою. „Это рѣшить воля государя императора, которому на будущее время служить въ какомъ-бы то назначеніи ни было я считаю святымъ долгомъ; эти слова ты, любезный другъ, можешь по своемъ пріѣздѣ въ Варшаву доложить изустно его императорскому величеству; я полагаю черезъ 10 дней отправить тебя къ государю съ депешами, и кромѣ всеподданнѣйшаго письма я дамъ тебѣ еще нѣкоторыя словесныя порученія для изложенія ихъ предъ его величествомъ. Въ нихъ заключены будутъ всѣ обстоятельства и предметы будущаго моего служенія государю императору. Чиновники, составляющіе главную мою квартиру, поѣдутъ въ Тульчинъ для окончанія всѣхъ денежныхъ расчетовъ и тѣмъ кончится существованіе моего штаба. Войска бывшей моей арміи, вѣроятно, будутъ присоединены къ арміи, состоящей подъ начальствомъ графа Сакена ¹⁾. Что станетъ

¹⁾ Фельдмаршалъ графъ Ф. В. Сакенъ былъ главнокомандующимъ первой арміи, главная квартира которой расположена была въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

со мною, то это зависитъ отъ воли Божіей и отъ воли моего государя, которыя для меня равно священны. На первое время моего возвращенія въ Россію я бы желалъ, чтобы его величество дозволилъ мнѣ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ спокойствіи, въ продолженіе которыхъ я бы поѣхалъ въ Силезію для свиданія съ моими двумя сестрами и моими тамошними родными; я чувствую, что червь уничтоженія и смерти точитъ жизнь мою и что мнѣ не надолго еще опредѣлено бороться съ непріятностями, ее окружающими“. Послѣ этихъ словъ водворилось между нами довольно долгое молчаніе; мнѣ казалось, что въ чертахъ его лица отражались всѣ воспоминанія о событіяхъ прошедшей его достопримѣчательной жизни; онъ подперъ голову свою обѣими руками—какъ будто хотѣлъ поддержать тяжесть всѣхъ этихъ воспоминаній. Онъ погрузился въ печальную задумчивость, между тѣмъ какъ слезы катились по щекамъ его, и нѣсколько глубокихъ вздоховъ вырвалось изъ груди его. Я считалъ дружескою обязанностію вывести его изъ такого расположенія духа, и зная по опыту, что предметы военныхъ событій и разговоры о нихъ ему всегда пріятны, я спросилъ его: имѣлъ-ли онъ во время пребыванія своего въ Грузіи случай быть въ сраженіи съ персіанами? Вѣроятно, графъ отгадалъ мое намѣреніе; взоры его прояснились, онъ пожалъ мнѣ руку, какъ будто хотѣлъ благодарить за участіе мое въ его печали, и сказалъ: „въ стройномъ сраженіи я тамъ не бывалъ, но въ нѣкоторыхъ незначительныхъ стычкахъ, кончавшихся всегда въ нашу пользу, я былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ генераломъ. Эта экспедиція въ Грузію была поводомъ первой моей разлуки съ любимымъ мною государемъ и хотя данное мнѣ его величествомъ порученіе было лестно и новымъ знакомъ монаршаго довѣрія ко мнѣ, но по возвращеніи моемъ изъ Грузіи я узналъ, что это порученіе дано было мнѣ вслѣдствіе тонкосплетенной интриги, которая столь-же тонко и хитро съ успѣхомъ доведена была до конца. Это была интрига царедворца, который изъ всѣхъ особъ, окружающихъ государя, соединяетъ въ себѣ прозорливый умъ съ обильнымъ запасомъ отличнаго образованія по части наукъ и дипломатическихъ способностей. Опытность въ тонкостяхъ придворной жизни даетъ ему средства употреблять таланты свои по мѣрѣ необходимости собственнаго своего положенія; однимъ словомъ, я, любя моего

монарха душевно и искренно, не желаю, чтобы этотъ государственный мужъ находился вблизи государя, не по личнымъ моимъ отношеніямъ, но изъ неограниченной преданности къ престолу, ибо, если меня не обманываетъ мое предчувствіе, то этотъ вельможа скрываетъ, подъ личиною равнодушія, весьма искусно истинныя намѣренія расчетливой своей системы дѣйствія, источникъ котораго, какъ я опасаюсь, не совсѣмъ чистъ ¹⁾. Великодушіе государя не проникало тогда въ намѣренія противной мнѣ партіи, которая умѣла представить на благоусмотрѣніе его величества пользу и успѣхъ моего отправленія въ Грузію, въ слѣдующихъ предположеніяхъ:

„Во 1-хъ, убѣдить Государя въ той истинѣ, что удаленіе мое не произведетъ никакой перемѣны въ дѣлахъ военныхъ и государственныхъ, въ чемъ и я самъ не сомнѣвался; во 2-хъ, противники мои полагали, что я изъ пристрастія къ графу Паскевичу и по ненависти моей къ Ермолову (которой я, впрочемъ, никогда не питалъ къ нему) стану несправедливо поступать противъ послѣдняго или нанесу ему чувствительныя огорченія, которыхъ онъ, по строптивости характера и нерасположенію къ чужестранцамъ, не перенесетъ равнодушно. Этимъ самымъ онъ подастъ мнѣ поводъ, при вспыльчивости моей, забыться и такимъ обращеніемъ съ нимъ навлечь на себя справедливыя упреки. Въ 3-хъ, наконецъ, они полагали, что ежели я найду, что бывшіе поступки и дѣйствія генерала Ермолова вовсе не заслуживаютъ такого взысканія, какъ это можно было предполагать по доносу, сдѣланному на него, и, оставаясь вѣрнымъ привычнымъ мнѣ правиламъ чести и справедливости, даже рѣшусь защищать его, то неминуемо навлеку на себя негодованіе Государя.

„Въ таковомъ предположеніи они дѣйствительно не ошиблись, но негодованіе милостиваго моего Государя ограничилось только однимъ мгновеніемъ. Его Величество и въ этомъ случаѣ удостоилъ меня того благосклоннаго сужденія, которымъ онъ всегда награждалъ мою истинную преданность и любовь къ его особѣ. Я никогда не раскаюсь, что я въ отношеніи къ генералу Ермолову дѣйствовалъ по законамъ моего убѣжденія, по долгу

¹⁾ На какого царедворца намеклетъ здѣсь графъ Дибичъ? Баронъ Тизенгаузенъ, къ сожалѣнію, объ этомъ умолчалъ.

чести и по требованіямъ непомраченной совѣсти. Я неохотно теряю надежду, что этимъ поступкомъ сохранилъ для Государя и отечества мужа способнаго и твердаго, дѣятельнаго, отличнаго умомъ и преданностью къ престолу предо многими. Вольнодумныя идеи нынѣшняго бурнаго времени, которыя воспламеняли его въ молодости, исчезли въ понятіяхъ воина, удрученнаго старостью лѣтъ, ибо рѣдко случается, чтобы взволнованныя страсти, попирающія святыню прошлыхъ вѣковъ, еще бушевали въ сердцѣ, которое подъ гнетомъ опытности и старости стало биться медленнѣе, и рѣдко созрѣвшій разумъ гонится за призраками пылкаго юношескаго воображенія, когда голова уже покрывается сѣдиною и онъ въ зеркалѣ прошедшихъ временъ и событій усматриваетъ событія будущности. Тверда и непоколебима истина, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія. Впрочемъ, смѣна Ермолова тогда была необходима и графъ Паскевичъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ, доказалъ, что онъ совершенно замѣнилъ Ермолова. Это мое мнѣніе о графѣ Паскевичѣ я имѣлъ случай изложить и подтвердить предъ самимъ Государемъ. И генералъ Ермоловъ могъ быть употребленъ главнокомандующимъ, только не на Кавказѣ (?). Число генераловъ, которые въ первомъ десятилѣтіи отличаются военными способностями, дающими право предполагать, что они будутъ хорошими полководцами, весьма умѣренное. Графы: Сакенъ и Витгенштейнъ слишкомъ уже стары, чтобы твердо рукою нести фельдмаршальскій жезлъ предъ арміею. Кромѣ графа Паскевича и генерала Ермолова, я считаю еще способными къ такому важному назначенію графа Чернышева и графа Толя. На второе десятилѣтіе найдется, можетъ быть, нѣсколько другихъ изъ нашихъ пока еще юныхъ генераловъ, которые будутъ въ состояніи поддержать славу русскаго оружія. Къ этому числу принадлежитъ князь Горчаковъ, бывшій мой адъютантъ, и генералъ Бергъ, мой нынѣшній генералъ-квартирмейстеръ арміи“.

Сообщенія и сужденія о графѣ Чернышевѣ и данное мнѣ фельдмаршаломъ порученіе къ нему.

„Въ отношеніи къ графу Чернышеву“—продолжалъ фельд-маршалъ—„я могу тебѣ сказать, что многіе изъ моихъ знакомыхъ, подъ видомъ преданности ко мнѣ, старались разрушить существующую между нимъ и мною дружескую связь; меня предостерегали не оказывать ему того неограниченнаго довѣрія, которое я питаю къ нему со дня смерти въ Бозѣ почивающаго государя Александра. Еще недавно меня хотѣли письменно убѣдить, что онъ непріязненно ко мнѣ расположенъ, имѣя въ виду занять мое мѣсто, на которомъ онъ нынѣ временно находится, исправляя мою должность; что онъ пользуется всякимъ случаемъ выставять предъ государемъ сдѣланныя мною ошибки и не соотвѣтственныя предметамъ распоряженія, подкрѣпляя ихъ извлеченіями изъ получаемыхъ отъ меня бумагъ. Но я не вѣрю этимъ клеветникамъ, потому что, во-первыхъ,—меня оправдываетъ совѣсть, въ томъ убѣжденіи, что я графу Чернышеву никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ истинѣ дружескаго моего къ нему расположенія; во-вторыхъ,—я останусь всегда совершенно равнодушнымъ при всѣхъ интригахъ, предпринятыхъ противъ меня, и, будучи самъ чуждъ таковымъ, утѣшаюсь увѣренностію, что вся жизнь и всѣ поступки мои клонились единственно къ соблюденію моихъ обязанностей въ большемъ или меньшемъ объемѣ моей дѣятельности, къ исполненію долга и вѣрности присяги, данной моему государю. Сверхъ того, я считаю графа Чернышева благодарнымъ другомъ, исполненнымъ рыцарскихъ правилъ честности и справедливости, человекомъ, благоразуміе и разсудокъ котораго не позволяютъ принимать на себя тщетный трудъ вредить мнѣ во мнѣніи государя, коего милостивое и прочное расположеніе ко мнѣ ему извѣстно; преимущественно-же я не въ состояніи малѣйшею недовѣрчивостію къ нему унижить достоинства чело-вѣческаго характера гнуснымъ подозрѣніемъ, которое, ежели бы оно имѣло основаніе, должно поставить графа Чернышева на послѣднюю степень неблагодарности противъ меня, ибо мысль:

на развалинахъ моихъ должностныхъ обязанностей къ государю и отечеству воздвигнуть себѣ самому твердыню честолюбивыхъ намѣреній, не можетъ ввести его въ искушеніе принять непріязненные мѣры противъ меня, послѣдствія коихъ не подлежатъ вѣрному разсчету человѣческаго ума. Нѣтъ, нѣтъ, никто не можетъ лишить меня вѣры въ непоколебимость его дружбы ко мнѣ. Это ты можешь повторить ему по пріѣздѣ твоемъ въ Петербургъ. Я дамъ тебѣ къ нему письмо и прошу тебя представиться ему“. При этомъ случаѣ фельдмаршалъ далъ мнѣ прочесть нѣсколько писемъ, которыя графъ Чернышевъ собственноручно писалъ къ нему на французскомъ языкѣ.

О графѣ Виттѣ, о генералѣ Клейнмихелѣ, о графѣ Толстомъ.

Въ продолженіе разговора фельдмаршалъ упомянулъ также о генералахъ Клейнмихелѣ, графѣ Витта и графѣ Петрѣ Александровичѣ Толстомъ.

На счетъ графа Витта фельдмаршалъ изъяснился въ слѣдующихъ словахъ: „онъ человѣкъ чрезвычайно полезный въ особенныхъ обстоятельствахъ и способный къ особеннымъ должностямъ. Недоброжеланіе распустило о немъ слухъ, будто-бы онъ подъ непріятельскими ядрами и пулями не оказываетъ хладнокровія и необходимой храбрости. Я обязанъ опровергнуть эти слухи, потому что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ подъ Силистріею при мнѣ подъ градомъ крѣпостныхъ ядеръ хладнокровно разговаривалъ со мною, будучи угрожаемъ общемою опасностью сдѣлаться жертвою неумѣстной нашей храбрости. Его всегда дѣятельная голова старается вникать безпрестанно въ политику европейскихъ державъ, въ управленіе государствъ и въ причины волненія народовъ. Сужденія его по этимъ предметамъ иногда весьма многосложны и отвлеченны, но весьма предусмотрительны и справедливы; хорошая память служитъ ему средствомъ узнавать семейныя обстоятельства, связи и разрывы первѣйшихъ русскихъ фамилій и государственныхъ особъ. Такъ какъ онъ знакомъ съ литературою трехъ первыхъ языковъ въ Европѣ и пользуется большою начитанностію, то бесѣда съ нимъ

бываетъ всегда чрезвычайно занимательна. Въ отношеніи его дѣятельности по военнымъ поселеніямъ, мнѣ кажется, что все имъ устроенное заключаетъ въ себѣ наилучшія части этого паразитнаго растенія, которое при самомъ появленіи скрывало въ себѣ уже зародышъ уничтоженія. Я полагаю, что графъ Виттъ съ большою пользою могъ-бы быть употребленъ въ званіи военнаго генераль-губернатора въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Изъ разговоровъ его я могъ заключить, что онъ не доволенъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ по службѣ. Отношенія Клейнмихеля къ нему ему не нравятся“.

Сообщенія фельдмаршала на счетъ генерала Клейнмихеля я оставляю въ тайнѣ, потому что, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ этого бывшего моего младшаго товарища по службѣ, я не желаю навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, ни въ пользу, ни во вредъ его. Что касается до графа П. А. Толстаго, то фельдмаршалъ отзывался о немъ съ уваженіемъ его достоинствъ, какъ сановника государственнаго, такъ и частнаго человѣка. Должность, которую ему государь указалъ занять вблизи престола, отправляетъ онъ съ чрезвычайною отчетливостію, часто противъ собственной своей совѣсти. Онъ какъ будто сотворенъ на то, чтобы быть посредникомъ между интересами высшаго дворянства и милостями своего государя, гордясь и дорожа предоставленнымъ ему таковымъ преимуществомъ; онъ остается безъ строптивости въ назначенныхъ ему предѣлахъ,—озабоченъ единственно тѣмъ, чтобы сохранить довѣріе своего царя, и, будучи представителемъ высшаго русскаго дворянства, не имѣетъ въ виду другой цѣли, кромѣ той, чтобы это дворянство сохранило навсегда ту преданность къ престолу, которую оно изъявляетъ не только на словахъ, но на самомъ дѣлѣ. Состязаясь съ каждымъ, чтобы сохранить пріобрѣтенное благоволеніе къ себѣ монарха, онъ безъ всякой причины опасается его лишиться и съ удвоеннымъ усердіемъ старается упрочить его за собою. Я полагаю, что прежнее доброе его расположеніе ко мнѣ и дружеская связь, которая между нами существовала, когда мы служили въ равныхъ чинахъ, понынѣ еще продолжается, хотя производство мое въ фельдмаршалы его нѣсколько встревожило. Я почитаю его заслуги, которыми онъ

толичается какъ вѣрно преданный своему царю вельможа, но быть главнокомандующимъ арміею, каковое назначеніе (какъ мнѣ въ видѣ важной тайны передали) ему будто было сдѣлано,—я его не считаю способнымъ“.

Гр. Дивичъ-Забалканскій.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ ¹⁾.

азговоръ коснулся до положенія государства. Фельдмаршалъ сказалъ, между прочимъ: „эта держава представляется мнѣ въ видѣ великана, ослабѣвшаго въ старости лѣтъ, которому нынѣ сдѣлали операцію, отнявъ ему одну руку—Грецію. Султанъ Махмудъ слишкомъ рано принялся за преобразование своего государства по системѣ Петра Великаго; но недостатокъ рѣшимости или душевной твердости, но недостатокъ силы препятствуетъ ему кончить начатое съ успѣхомъ. У Петра Великаго не было въ Россіи пашалыковъ, почти независимыхъ, въ которыхъ господали и паши, какъ въ Турціи, пользовались-бы всякимъ случаемъ, чтобы отложиться. Махмудъ оскорбилъ своими нововведеніями духовенство и народную вѣру. Петръ Великій не имѣлъ подъ скипетромъ своимъ провинцій, всегда готовыхъ къ возмущенію, какъ, напримѣръ, Боснія и Албанія, не имѣлъ соперникомъ вице-короля Египетскаго, который, порицая нововведенія султана, нѣкогда можетъ сдѣлаться ему опаснымъ, оспаривая у него права на калифатъ.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ LXIX, мартъ, стр. 511—536.

Притомъ-же послѣдняя война турокъ съ Россіею истощила государственную казну, отдѣлила отъ Турціи богатѣя области: Молдавію и Валахію, сдѣлала Сербію независимою и уничтожила идею о невозможности перехода черезъ Балканы. Поэтому самое перерожденіе Турціи по желанію Махмуда на долгое время останется невозможнымъ, и ежели европейскія державы могли-бы въ понятіяхъ своихъ уничтожить предрассудки о необходимости равновѣсія въ силахъ европейскихъ державъ, то нынѣ, при появленіи нашихъ войскъ предъ Константинополемъ, наступила-бы рѣшительная эпоха нанести Турціи смертельный ударъ, но я предвижу, что это случится можетъ чрезъ 20 лѣтъ ¹⁾. Если планы преобразованія Турціи не исполнятся, то навѣрное самое управленіе государства ослабнетъ еще болѣе, до совершеннаго изнеможенія. Для европейскихъ державъ Турція перестала быть опасною, но ежели просвѣщеніе распространитъ благотѣльное свое вліяніе и по ту сторону Босфора и Дарданеллъ, то Турція вступитъ въ общій составъ всѣхъ прочихъ державъ на основаніи одной и той-же политики, которая нынѣ уже не имѣетъ въ виду новыми завоеваніями увеличивать власть побѣдоносной силы, но занимается единственно распространеніемъ благосостоянія. Войны истребительныя не могутъ болѣе потрясать спокойствіе Европы, но если нынѣ существующій духъ революціи противъ всѣхъ законныхъ правительствъ расплодится еще болѣе, то борьба мнѣній между монархическимъ и конституціоннымъ правленіемъ потрясетъ спокойствіе Европы, какъ это было въ 30-ти-лѣтней войнѣ, и статья можетъ, что опять загорится подобная война со всѣми ужасами истребленія самихъ народовъ. Послѣ этого Турція, не участвовавъ въ такихъ побоищахъ, скрѣпясь силами, опять начнетъ имѣть вліяніе на дѣла Европы“

---

¹⁾ Графъ Дивичъ оказался хорошимъ пророкомъ. Дѣйствительно, черезъ 20 лѣтъ Россія могла-бы почти безнаказанно приступить къ исполненію своей исторической миссіи на Востокъ. Но мы снова въ 1849 году приступили къ излюбленной и неблагодарной задачѣ: спасать Европу. **Н. III.**

О графѣ М. С. Воронцовѣ, графѣ Кочубеѣ, Канкринѣ, князѣ Меншиковѣ, Дашковѣ и Дм. Ник. Блудовѣ.

Графъ продолжалъ чрезъ нѣсколько времени: „Я сегодня писалъ графу Воронцову — и просилъ его, ежели возможно, сократить твой карантинъ въ Сатуновѣ, такъ чтобы тебѣ тамъ оставаться не болѣе 24 часовъ, увѣривъ его, что ты во время твоего пребыванія здѣсь безпрестанно находился при мнѣ, не имѣвъ случая заразиться чумою. Если графъ Воронцовъ уважить мою просьбу, какъ это уже случалось нѣсколько разъ въ подобныхъ случаяхъ, то мнѣ желательно, чтобы ты на святой недѣлѣ отправился въ Варшаву, гдѣ ты найдешь государя и можешь имѣть счастье представиться его величеству лично. Ежели-же графу Воронцову невозможно будетъ для тебя сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, то ты останешься при мнѣ, и мы въ первыхъ числахъ мая переправимся обратно чрезъ Балканы въ Россію, гдѣ проживемъ вмѣстѣ, пока его величество дозволитъ мнѣ на нѣсколько недѣль поѣхать въ Силезію. Я весьма желаю, чтобы ты могъ поспѣть въ Варшаву, пока его величество еще будетъ тамъ. Можетъ быть, я тебѣ этимъ самымъ доставлю случай, что государь удостоитъ тебя видѣть и разспрашивать обо всемъ, что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ отъ меня. Таковыя случаи всегда бываютъ пріятны и государь, можетъ быть, узнаетъ въ тебѣ человѣка, способнаго къ такимъ занятіямъ, которыя полезны для службы, чѣмъ мѣсто, которое ты занимаешь теперь“. По причинѣ такихъ лестныхъ видовъ, я желалъ предварительно узнать могу-ли я надѣяться, что они сбудутся, и потому я спросилъ графа, въ какихъ онъ отношеніяхъ къ графу Воронцову. „По наружности мы въ пріязненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, но не въ короткихъ. Я надѣюсь, что онъ просьбу мою на счетъ твоего проѣзда безъ соблюденія двухнедѣльнаго карантина исполнитъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, кои въ обхожденіи съ высшими, съ равными и низшими себя умѣетъ приобрѣсти общее хорошее расположеніе къ себѣ, но сблизиться съ нимъ въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ трудно. Я считаю его человѣкомъ отличнѣйшихъ правилъ; онъ снисходителенъ къ подчиненнымъ, щедръ и благороденъ; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ему возможно быть полезнымъ, будучи очень

богатымъ, онъ съ удовольствіемъ отыскиваетъ таковыя случаи. Это богатство, кажется мнѣ, привело его къ убѣжденію, что служба, приносимая имъ государю и отечеству, есть жертва и самоотверженіе, потому что онъ могъ обойтись и безъ нея и наслаждаться всѣми пріятностями жизни въ совершенной независимости, но онъ гордится, и не безъ причины, заслугами патріота, и это достоинство никто у него оспаривать не имѣетъ повода, ибо онъ въ исполненіи своихъ обязанностей не щадитъ ни дѣятельности, ни труда; сужденія его, при рѣдкой образованности ума и пріобрѣтенной опытности, справедливы и доказываютъ его способность къ занятію первыхъ должностей государственныхъ. Нельзя отнять у него заслуги, что онъ и въ военномъ отношеніи имѣетъ рѣдкія познанія, и въ случаѣ нужды можетъ вступить въ званіе полководца. Скромность характера дѣлаетъ его чрезвычайно снисходительнымъ къ подчиненнымъ; противъ равныхъ себѣ онъ очень вѣжливъ, но не знаю—назвать-ли это застѣнчивостію или расчетливою формою,—что онъ отклоняетъ отъ себя всякую близкую связь, короткость въ обхожденіи. Теперь, можетъ быть, соперничество и нѣкотораго рода зависть удалила его отъ меня болѣе, чѣмъ прежде, но враждебныя намѣренія благородная его душа не въ состояніи питать ко мнѣ, не подавшему къ тому ни малѣйшаго повода, и потому я почти увѣренъ, что ты безъ задержанія благополучно доѣдешь до Варшавы. Впрочемъ, продолжалъ фельдмаршалъ,—я полагаю, что графъ Воронцовъ по части администраціи какого-либо министерства, смѣло можетъ равняться съ графомъ Кочубеемъ, Канкринымъ, съ княземъ Меншиковымъ, Дашковымъ и Блудовымъ, между которыми Кочубей болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ навыкъ и опытность въ дѣлахъ государственныхъ; Канкринъ—мастеръ своего дѣла, а князь Меншиковъ пріобрѣлъ такое сокровище въ свѣдѣніяхъ и наукахъ даже многихъ отвлеченныхъ предметовъ, что его можно причесть къ числу ученыхъ; Блудова я искренно уважаю, какъ человѣка рѣдкаго добронравія, мягкаго характера при большихъ способностяхъ; Дашкова я ставлю на ряду съ Блудовымъ по достоинствамъ, добродѣтелямъ и правотѣ, равно и по познаніямъ государственнаго человѣка. Оба они, ежели нѣкогда займутъ мѣста министерскія, навѣрное оправдаютъ выборъ и ожиданія государя“.

Открывшійся въ Бургасѣ случай моровой язвы. — Лейбъ-медикъ Шлегель.

На 3 день Святой недѣли генералъ Обручевъ сообщилъ мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ, что недалеко отъ квартиры фельдмаршала обнаружилась чума и что, по распоряженію его, домъ обставленъ цѣпью часовыхъ. Графъ Иванъ Ивановичъ чрезмѣрно равнодушенъ къ этой болѣзни или только показываетъ, что онъ ея не считаетъ столь опасною, какъ вообще думаютъ, и ежели я ему доложу о случившемся, то онъ самъ пойдетъ въ зараженный чумою домъ.

Вечеромъ того-же дня, когда лейбъ-медикъ Шлегель, находившійся при фельдмаршалѣ, донесъ ему о чумномъ случаѣ, графъ отвѣчалъ хладнокровно: „я ожидалъ этого, но желаю, чтобы о томъ не разглашали въ главной моей квартирѣ, между тѣмъ, я одобряю всѣ мѣры предосторожности“. По удаленіи доктора Шлегеля, графъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „этому рѣдкому человѣку я обязанъ чрезвычайною благодарностію за всѣ оказанныя мнѣ попеченія и медицинскую помощь; но я его почитаю душевно также какъ добродѣтельнаго и благонамѣреннаго врача, подвергающагося всѣмъ опасностямъ чумной заразы, безъ уваженія лица, чина и званія, которому его пособія необходимы; съ этимъ самоотверженіемъ соединяетъ онъ совершенное безкорыстіе и обижається, ежели ему предлагаютъ возмездія за оказанную помощь, говоря, что за исполненіе своихъ обязанностей, какъ врачъ, онъ отъ государя императора получаетъ и жалованье, и награды“.

Разсужденія фельдмаршала о религіи и вѣроисповѣданіяхъ. — Чувствительность графа по случаю приобщенія Святыхъ тайнъ.

Въ Страстную пятницу фельдмаршалъ и я приобщались св. тайнъ, для чего вытребованъ былъ лютеранскій пасторъ изъ одной изъ Бессарабскихъ колоній. Графъ всею душою приверженъ былъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, исполнялъ всѣ обряды своей церкви, никогда не оспаривалъ таинствъ священнаго писанія; въ отношеніи-же къ другимъ исповѣданіямъ христіанской вѣры онъ убѣжденъ былъ, что они всѣ безъ изъятія клонятся къ благосостоянію людей, къ распространенію нравственности

и къ успокоенію души при переходѣ въ будущую жизнь; что исполненіе 10 заповѣдей и Евангелія, распространеннаго по всему свѣту апостолами, ведетъ человѣка по разнымъ направленіямъ къ единой цѣли, къ блаженству послѣ смерти. Онъ нѣкогда изъяснялся на счетъ вѣры въ слѣдующихъ словахъ: „Я никогда не позволю себѣ размышлять о вѣрѣ и таинственнѣйшемъ покрывалѣ, облегающемъ ее; я вѣрую во все то, что мнѣ передано въ священныхъ книгахъ, и не дерзаю силою ума и разсудка проникать въ тѣ предметы, которые съ молодыхъ лѣтъ моихъ служили мнѣ утѣшеніемъ во всѣхъ злополучныхъ случаяхъ жизни, тѣмъ болѣе, что они обѣщаютъ мнѣ милосердіе и прощеніе творца, меня создавшаго, даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ я вольно или невольно провинялся противъ божественныхъ его законовъ, если я только въ нихъ раскаяваюсь, даруя душѣ моей безсмертіе“. Въ день принятія Св. таинъ мы болѣе часа молились вмѣстѣ; графъ былъ растерзанъ печалію, что въ этотъ торжественный день не было съ нимъ супруги, что онъ лишился ея навсегда; онъ, казалось, въ молитвѣ искалъ утѣшенія. Во все время моего пребыванія при немъ въ Бургасѣ, онъ въ первый разъ опять вспоминалъ объ этомъ постигшемъ его несчастіи и, проливая слезы предъ распятіемъ, просилъ Бога соединить его вскорѣ съ супругою.

О состояніи Турціи предъ заключеніемъ Адрианопольскаго мира. — Политическія обстоятельства, бывшія побудительными причинами сего мира. — Составъ Россійской дѣйствовавшей арміи при заключеніи онаго.

Вечеромъ за чаемъ мы опять были вмѣстѣ, разговоръ коснулся до Адрианопольскаго мира. Графъ изъяснялся въ слѣдующихъ словахъ: „При моемъ движеніи съ войсками къ Константинополю, я воспользовался счастливымъ моментомъ, въ который Диванъ высокой Порты, убѣжденный въ большомъ числѣ нашихъ войскъ и непобѣдимой ихъ храбрости, опасался, что наша армія займетъ Царьградъ. Мои отдѣльные партизанские отряды справа приблизились къ берегамъ Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ, на берегу Босфора, появились наши казаки. Другой отрядъ прямо двинулся на Константинополь. Въ этихъ раздѣленныхъ отрядахъ состояла вся

сила моей арміи, но, къ счастью нашему, турки были еще малочисленнѣе. Если я и сосредоточилъ-бы всѣ отряды въ одну массу, то и тогда я не могъ-бы занять Константинополь. Это обстоятельство не было извѣстно ни Дивану, ни чужестраннымъ посламъ, бывшимъ въ Царьградѣ, и всѣ они опасались, что я займу столицу Махмуда, а болѣе всего, что это взятіе Константинополя преобразуетъ всѣ политическія отношенія между европейскими державами. Я употреблялъ всевозможныя средства этимъ опасеніямъ дать болѣе вѣроятности и предположеніе объ огромномъ числѣ нашихъ войскъ подкрѣплялъ появленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ во многихъ мѣстахъ. Посредствомъ этихъ мѣръ удалось мнѣ заключить Адрианопольскій миръ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ намѣренія его императорскаго величества и данное мнѣ полномочіе того требовало.

„Выгоды, которыя Россіи доставилъ Адрианопольскій миръ, доставятъ мнѣ всегда пріятнѣйшія воспоминанія. Рѣшеніе будущей участи Греціи и Сербіи, пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ турецкой Азіи, обязанность платить порядочную денежную сумму изъ сокровищъ Махмуда, залогомъ которой останутся у насъ Молдавія и Валахія, были событія, содѣйствовавшія моему счастью и моей славѣ, между тѣмъ какъ судьба готовила мнѣ жестокій ударъ, потерю той, которая мнѣ, для благополучія моей жизни, была необходима“.

— Но если султанъ, — возразилъ я графу (чтобы отклонить разговоръ отъ предмета, разстраивавшаго его всегда), — при извѣстной твердости своего характера и при участіи чужестранныхъ пословъ, къ нему расположенныхъ, отважился бы на самую крайность, то при малочисленности твоей арміи ты не былъ бы въ состояніи занять Константинополя и выказалъ бы настоящее свое положеніе.

„Нисколько“, — прервалъ меня графъ, — „я рассчиталъ также возможность такого оборота дѣлъ, но въ такомъ случаѣ я вступилъ-бы въ Константинополь не для того, чтобы тамъ удержаться, но чтобы моимъ появленіемъ рѣшить вопросъ: возстанетъ-ли народонаселеніе Царьграда на защиту города или на пагубу самого султана; въ первомъ случаѣ я бы отступилъ, оставивъ отрядъ противъ Константинополя, но занялъ-бы военнымъ распоряженіемъ все, что въ европейской Турціи оставалось

не занятымъ, не перемѣнивъ въ этихъ областяхъ прежняго образа правленія, отдать-бы пашалыки такимъ пашамъ, которые, соглашаясь на предложенныя мною условія, управляли-бы пашалыками въ зависимости отъ Россіи, на правилахъ человеколюбія и справедливости, ибо въ областяхъ, въ которыхъ господствовала незаконная и произвольная власть насилія,—тамъ легко расторгнуть узы зависимости народа отъ правительства и соединить ихъ вновь подъ защитою завоеванія, предоставляя народу нѣкоторыя облегченія, обѣщающія ему благосостояніе. Въ подобномъ положеніи находятся всѣ турецкія области въ Европѣ и потому султанъ, при появленіи моемъ предъ вратами столицы своей, опасался съ моей стороны подобныхъ мѣръ и не осмѣлился отложить заключеніе мира, но отдался на великодушіе нашего монарха безусловно, предполагая, что высокосердіе нашего государя доставитъ ему въ этомъ несчастномъ положеніи болѣе выгодъ, чѣмъ посредничество другихъ дворовъ. Махмудъ въ этомъ отношеніи не ошибся. Но ежели я въ пашалыкахъ европейской Турціи устроилъ-бы при соблюденіи старыхъ формъ новое управленіе посредствомъ пашей или аяновъ въ зависимости отъ Россіи, то Константинополь вскорѣ палъ-бы безъ пушечнаго выстрѣла къ стопамъ самодержавнаго государя Россіи, и прочія державы европейскія съ признательностію къ нашему монарху довольствовались-бы каждая порознь частицами этого завоеванія. Я увѣренъ, что если въ теченіи будущихъ временъ державы европейскія, завидующія величію Россіи, опять, какъ это такъ часто случалось, возбуждаютъ Турцію къ войнѣ противъ насъ и войска наши перейдутъ опять чрезъ вершины Балканъ, то государь Россіи рѣшится на упомянутыя мною мѣры и послѣдствія оправдаютъ тогда предположеніе мое. Возстаніе-же народонаселенія Константинополя противъ султана, во время занятія этой столицы нашими войсками, рѣшило-бы навсегда участь европейской Турціи и подчинило-бы ее Европѣ, ибо въ противномъ случаѣ, при восстановленіи тамъ турецкой власти, жестокость турецкаго правленія истребила-бы болѣе половины жителей Царьграда. Я надѣюсь имѣть случай объ этомъ предположеніи моемъ лично доложить Его Императорскому Величеству, но ежели мнѣ это не удастся, то сохрани мое мнѣніе тайною въ сердцѣ своемъ, а ежели дѣйствительно настанетъ время, что

опять возгорится война между Россією и Портою и ты еще будешь живъ, то найди случай довести до свѣдѣнія Государя содержаніе этого нашего разговора“.

Сообщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ при открытіи заговора послѣ смерти императора Александра и при наслѣдованіи онаго. — О военномъ поселеніи.

Дружеское сообщеніе фельдмаршала, основанное на неограниченномъ довѣріи ко мнѣ, побудило меня узнать отъ него объ участи преступнаго моего брата, страдающаго справедливо въ изгнаніи въ Ялуторовскѣ, и спросить, предвидится-ли возможность, чтобы участь его перемѣнилась когда-либо. Графъ мнѣ отвѣчалъ: „Ты знаешь, что я брата твоего, когда онъ былъ моимъ адъютантомъ, осыпалъ доказательствами благосклоннаго моего къ нему расположенія. Мое близкое родство съ тобою, во всякомъ другомъ случаѣ, сдѣлало-бы меня снисходительнымъ противъ него, хотя я поставилъ себѣ правиломъ связи родственныя не смѣшивать никогда съ обязанностями моей службы, и въ непростительномъ поступкѣ твоего брата дѣйствовалъ по этимъ правиламъ. Я никогда не рѣшусь содѣйствовать къ облегченію его судьбы. Онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, ибо имѣлъ время при посредничествѣ моемъ спасти себя, открывъ преступную тайну этого крамольнаго заговора. Мнѣ удалось,—продолжалъ графъ,—слѣдить за всѣми этими ..... (лицами) и постигнуть совершенно наготу ихъ правилъ дерзости и трусости. Мои мнѣнія и понятія о нихъ суть слѣдствіемъ постоянного наблюденія за всѣми презрѣнными средствами, къ которымъ они прибѣгали для того, чтобы оправдаться въ злоумышленномъ предпріятіи. Уже въ Таганрогѣ, тотчасъ послѣ кончины въ Бозѣ почивающаго государя Александра, я по найденнымъ мною бумагамъ государя узналъ о преступномъ замыслѣ, вслѣдствіе чего я немедленно приступилъ къ истребленію и къ дальнѣйшему открытію этого заговора, не зная и не предвидѣвъ событія 14-го декабря въ Петербургѣ. Въ Таганрогѣ мнѣ по этому поводу удалось удостовѣриться еще болѣе въ непреложныхъ правахъ и чувствахъ искренней преданности графа Чернышева къ престолу; въ немъ я нашелъ усерднаго сподвижника и товарища въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ противъ этихъ клятво-

преступныхъ злодѣевъ. Мѣры, которыя онъ предлагалъ для открытія и задержанія ихъ, онъ самъ исполнялъ съ рѣшительно-стію и неутомимою дѣятельностію. Мы тамъ сдружились навсегда и я никогда не нарушу этой связи, основанной на взаимномъ уваженіи. Мы оба тогда еще не знали, кто будетъ нашимъ государемъ; я не былъ посвященъ въ тайну престолонаслѣдія. Будучи все еще начальникомъ штаба моего монарха я, по обязанностямъ моего званія, отправилъ депеши какъ о смерти государя императора, такъ и объ открытіи крамольнаго заговора противъ престола въ Варшаву къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, какъ къ законному наслѣднику Россійской имперіи. Но только въ Петербургѣ я былъ вознагражденъ за исполненіе моего долга новымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, который утвердилъ меня въ прежнемъ званіи начальника штаба и осчастливилъ меня такими доказатель-ствами своего благоволенія и довѣрія ко мнѣ, что я тогда-же, тронутый этими милостями, посвятилъ всю мою жизнь служенію его величеству. Вслѣдъ затѣмъ, я въ званіи начальника его штаба вступилъ въ слѣдственную комиссію, учрежденную для розыска этихъ преступниковъ, и къ крайнему моему прискорбію въ числѣ ихъ нашелъ твоего брата. Богъ сердцевидецъ и знаетъ, что я не жестокъ, но въ изслѣдованіи и въ приговорахъ этихъ преступниковъ, унижающихъ самое человѣчество, я былъ строгъ и неумолимъ, потому что, заботясь о благосостояніи Россіи и объ исполненіи святости присяги и законовъ, я счелъ необходимымъ подавить чувства жалости и состраданія въ сердцѣ своемъ, предоставивъ единственно законамъ опредѣлять мѣру взысканія и наказанія. Я не нуждался въ томъ, чтобы излишнею строгостію снискать себѣ благоволеніе Монарха, ибо я уже тогда пользовался этимъ счастіемъ, но преданность и любовь къ нему требовали отъ меня, чтобы я внимательнымъ и зоркимъ взглядомъ проникалъ въ самую глубину изрытой неблагодарностію, дерзостію, жестокостію, безуміемъ и низостью развращенныхъ страстей пропасти, угрожавшей поглотить и престолъ, и благоденствіе государства. Я старался открыть самые сокровенные корни этого ядовитаго дерева, коего вѣтви разрослись такъ обширно; но мнѣ не удалось это. Причины неудачи, однако-же, не могу приписать себѣ. Милосердіе монарха ограничилось

обреченными жертвами и, открывая вполнѣдствіи еще большее число участниковъ, удовольствовалося этимъ открытіемъ и не предавало ихъ суду и наказаніямъ. Хотя разспросы уличенныхъ въ преступленіи открывали еще болѣе и болѣе участниковъ, но самый зародышъ, изъ котораго возникъ заговоръ, не могли открыть, ибо на событія въ Петербургѣ и судорожныя движенія близъ Кіева и во 2-й арміи можно смотрѣть только какъ на попытку главныхъ бунтовщиковъ: открыть общій духъ въ народѣ и по результатамъ этихъ опытовъ разсчитать, настало-ли удобное время къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ пружинъ этой адской машины. Я желаю отъ всей души, чтобы отсѣченіе нѣкоторыхъ вѣтвей этого ядовитаго дерева подѣйствовало-бы на совершенное истребленіе пня и корней, такъ чтобы оно не пустило новыхъ отростковъ. Довольно странно, что въ протяженіи и въ объемѣ военнаго поселенія никто не оказался участникомъ въ этомъ крамольномъ предпріятіи, исключая одного Батенкова, присоединившагося къ обществу бунтовщиковъ, когда онъ оставилъ военное поселеніе. Поэтому общій упрекъ несправедливъ, будто-бы графъ Аракчеевъ излишнею строгостью и чрезмѣрною военною дисциплиною по военнымъ поселеніямъ подалъ первый поводъ къ бунту. Это неучастіе въ раскрывшемся заговорѣ, по моему убѣжденію, составляетъ, впрочемъ, единственное достоинство военнаго поселенія, потому что вообще это учрежденіе вредно государству уже теперь, а со временемъ можетъ сдѣлаться опаснымъ. Не принимая въ разсчетъ того, что дальнѣйшее существованіе военныхъ поселеній на томъ основаніи, какъ они были учреждены, весьма чувствительно для финансовъ государства, мнѣ кажется, что въ нѣдрахъ поселенія кроется также возможность развитія духа янычаръ и римскихъ преторіанцевъ. Поселеніе, не подчиненное общему вліянію гражданскихъ законовъ, образуетъ само по себѣ небольшое государство въ государствахъ, не доставляя правительству никакихъ особенныхъ выгодъ. По моему убѣжденію, для правительства было-бы выгоднѣе привести все военное поселеніе въ первобытное состояніе, тогда содержаніе, которое идетъ на управленіе поселенія, доставляло-бы казнѣ явный доходъ“.

Генералы: Ротъ, графъ Петръ Паленъ и Красовскій.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія пріѣхалъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу генералъ Ротъ. Я былъ свидѣтелемъ ихъ разговора и примѣтилъ, что графъ при всей вѣжливости, сохранялъ необыкновенное достоинство своего сана противъ подчиненнаго ему генерала, устраняющее нарушение этикета или должнаго къ нему уваженія. Визитъ продолжался не болѣе получаса. Послѣ отъѣзда генерала Рота, графъ сказалъ мнѣ: „генералъ Ротъ строго поддерживаетъ военную дисциплину и субординацію между солдатами, офицерами и генералами своего корпуса; въ прежнихъ войнахъ хвалили его храбрость, но я не предполагаю въ немъ способности главнокомандующаго. Въ частной своей жизни онъ подверженъ нѣкоторымъ слабостямъ, которыя вредятъ ему въ глазахъ его подчиненныхъ. Къ другому корпусному командиру въ арміи моей графу Петру Палену я питаю полное уваженіе во всѣхъ отношеніяхъ и совершенное довѣріе, какъ къ генералу, знающему свое дѣло, хотя онъ въ Кулевчинскомъ сраженіи могъ-бы развитъ болѣе дѣятельности. Но я полагаю, что онъ опасался обратить на себя всю турецкую армію, которой противустоять онъ не имѣлъ довольно силы. И если-бы онъ ранѣ занялъ позицію на лѣвомъ флангѣ непріятеля, то можетъ быть и самое сраженіе получило-бы другое направленіе и кончилось-бы не столь блистательно для насъ. Генералъ Красовскій командуетъ третьимъ корпусомъ моей арміи, человекъ также достойный всякой похвалы. Къ подчиненнымъ своимъ онъ чрезвычайно снисходителенъ и милостивъ, такъ что онъ послѣ всякаго сраженія съ непріателемъ представляетъ такое множество къ наградамъ за оказанныя отличія, что я всегда чрезвычайно затрудняюсь выборомъ тѣхъ, которые дѣйствительно заслужили награды; но такъ какъ я самъ лично знаю всѣхъ почти офицеровъ моей арміи, то мнѣ и удается въ этомъ отношеніи быть справедливымъ“.

День Пасхи въ Бургасѣ.—Щедрость фельдмаршала, оказываемая родственникамъ своимъ.—Сообщенія о графѣ Канкринѣ и о замѣнѣ его въ случаѣ крайней необходимости.—О дѣйств. ст. сов. Пейкерѣ.—Замѣчаніе фельдмаршала о недостаткѣ способныхъ генераловъ въ арміи.—Мнѣніе его о составѣ нашей гвардіи и производствѣ офицеровъ въ семь корпусѣ.—О нашей артиллеріи и объ особенныхъ преимуществахъ ея.—О пушкахъ, изобрѣтенныхъ отцемъ фельдмаршала.

Свѣтлое Воскресенье для всей главной квартиры фельдмаршала праздновано было обычнымъ порядкомъ, при которомъ графъ присутствовалъ во всемъ блескѣ своихъ орденовъ посреди корпуса своихъ генераловъ и офицеровъ. На дворѣ графской квартиры раскинута была большая калмыцкая будка, обитая войлокомъ. Въ ней священникъ благословилъ св. Пасху и фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ выпить заздравный кубокъ въ честь, въ благодарность и во славу все милостивѣйшаго нашего государя, что исполнено было съ восторгомъ. Погода въ тотъ день была прелестна, всѣ деревья красовались въ полномъ цвѣтѣ (это было 6-го апрѣля); къ обѣденному столу фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ при освященіи пасхи. Вечеромъ графъ опять бесѣдовалъ со мною, начавъ разговоръ этими словами: „Сегодня или завтра поутру ожидаю я отвѣта отъ графа Воронцова, который рѣшитъ твое отправленіе въ Варшаву. Я надѣюсь, что этотъ отвѣтъ соотвѣтствуетъ моей просьбѣ о твоёмъ пропускѣ чрезъ Сатуново. Каковы твои финансы, любезный другъ?“ Я отвѣчалъ, что щедрость его императорскаго величества достаточно снабдила меня деньгами и на обратный проѣздъ въ Петербургъ. „А для проѣзда въ Варшаву позволь мнѣ, кромѣ прогоновъ, вручить тебѣ эту незначительную сумму на особенные расходы и на гостинцы для твоего семейства“. Графъ вручилъ мнѣ приготовленный имъ пакетъ, въ которомъ находилось 2,000 руб. ассигнаціями.—„Да еще позволь мнѣ передать тебѣ нѣкоторые подарки, которые я назначилъ для твоего семейства въ память моего похода въ Турцію“. Подарки эти состояли въ четырехъ турецкихъ шаляхъ, въ брилліантовыхъ серьгахъ для старшей и въ двухъ браслетахъ для второй моей дочери. „Но смотри“,—прибавилъ графъ, улыбаясь.—„заплати на границѣ пошлины; а не то, ты поссорись съ Канкринымъ. Скажи мнѣ, бываешь ты еще иногда у него? Мнѣ помнится, что вы

старые знакомые и пріятели съ 1813 года, когда ты былъ квартир-геромъ государевымъ, а онъ генераль-интендантомъ арміи; въ всегда останавливались вмѣстѣ на одной квартирѣ". — Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — застѣнчивость моя удаляетъ меня отъ всѣхъ тѣхъ, которые опередили меня далеко на поприщѣ знатности и почестей; я опасаюсь докучать имъ или возбудить подозрѣніе, что ищу протекціи себѣ и другимъ, или, по связямъ близкаго родства съ тобою, присвоиваю себѣ право вкрадываться въ близкое знакомство ихъ. Графъ отвѣчалъ: „въ нѣкоторомъ отношеніи ты правъ, но на счетъ Канкрина, кажется, виноватъ; онъ былъ старымъ другомъ нашему семейству съ 1805 года и правила жизни его не позволили-бы ему перемѣниться противъ тебя. Не знаю, кѣмъ государь его замѣнитъ, если онъ умретъ. Чтобы быть министромъ финансовъ, надобно имѣть отличныя къ тому способности, быть воспитаннымъ къ тому и съ перваго шага службы вступить въ это министерство, чтобы обогатиться опытностью въ этомъ важномъ званіи и дослужиться до чина соотвѣтственнаго, съ возможностью занять мѣсто предшественника. Если Иванъ Устиновичъ Пейкеръ, нашъ общій другъ, мой бывший товарищъ по генеральному штабу, посвятилъ-бы себя и нынѣ еще этой части, то, зная его очень хорошо, я полагаю, что онъ могъ-бы съ пользою для государства замѣнить Канкрина: у него министерская голова; даже занимая мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ (если занятіе этого мѣста нѣмцемъ не представляло-бы нѣчто необычайное), или генераль крѣгсъ-коммисаромъ, онъ-бы находился на своемъ мѣстѣ. Вообще, у насъ, по моему убѣжденію, чувствителенъ недостатокъ въ лицахъ для занятія мѣстъ въ высшихъ степеняхъ государственнаго управленія; даже по военной части этотъ недостатокъ примѣтенъ, хотя число нашихъ генераловъ очень значительно, но въ отношеніи способностей, необходимыхъ для занятія высшихъ мѣстъ, число ихъ, повторяю я, весьма ограничено. Еще сегодня я проходилъ списокъ генераловъ для назначенія одного изъ нихъ начальникомъ дивизіи, и только на 14-й страницѣ нашелъ одного, именно моего Обручева, которому можно было ввѣрить дивизію.

„Бывши долгое время начальникомъ штаба 1-й арміи, я имѣлъ случай близко познакомиться со всѣми почти нашими генералами, которыхъ прежде зналъ оберъ- и штабъ-офицерами,

а потому я въ правѣ полагать, что мнѣніе мое о нихъ справедливо. Даже въ штабъ-офицерахъ, способныхъ командовать полками, оказывается недостатокъ, такъ что его величество часто поручаетъ командованіе полками подполковникамъ. Причиною всему этому большое число нашихъ гвардейскихъ полковъ; изъ нихъ въ короткое время поступаютъ на службу въ армію полковники, которыхъ при вакансіяхъ генеральскихъ нельзя обойти производствомъ въ чинъ, не оказывая несправедливости; потому я и считаю несомнѣннымъ, даже вреднымъ, что гвардейскій корпусъ входитъ по производству въ чины въ составъ армейскій. Выгоднѣе для службы, по моему убѣжденію, было-бы ограничить производство единственно составомъ гвардейскаго корпуса, дозволяя исключенія изъ этого правила только по крайней необходимости съ переводомъ ихъ въ армію; тогда производство въ чины по гвардейскому корпусу шло-бы медленнѣе и армія не наводнялась-бы молодыми полковниками, неопытными въ военномъ дѣлѣ лицами, изъ которыхъ большая часть, не побывавъ въ сраженіяхъ, заграждаютъ путь заслуженнымъ подполковникамъ, посѣдѣвшимъ въ бояхъ противъ непріятеля. По моему мнѣнію, было-бы полезно назначать шефовъ гвардейскихъ полковъ изъ числа генераловъ древняго родового русскаго дворянства, а командировъ этихъ (т. е. армейскихъ?) полковъ—изъ полковниковъ, переведенныхъ изъ гвардіи, какъ изъ русскихъ дворянъ, такъ и изъ дворянъ остзейскихъ провинцій. Впослѣдствіи-же времени званіе шефовъ и командировъ полковъ гвардейскихъ, равно бригадныхъ и дивизіонныхъ командировъ, въ случаѣ вакансій, пополнялось-бы изъ тѣхъ-же полковъ, производствомъ потребнаго числа капитановъ въ полковники, и такъ далѣе отъ прапорщиковъ въ подпоручики. Но если тогда по необходимости нужно-бы было перевести полковниковъ въ армію изъ гвардейскаго корпуса, то это должно-бы послѣдовать не иначе какъ только изъ вѣдомствъ гвардейской артиллеріи, инженернаго и генеральнаго штаба, потому что по этимъ вѣдомствамъ производство бываетъ медленнѣе и, во-вторыхъ, армія снабжалась-бы полковниками свѣдущими по части наукъ. Ихъ, въ случаѣ надобности въ военное время, можно-бы было опять употреблять по тѣмъ частямъ, въ которыхъ они служили до полковничьяго чина. Что-же касается до нашей артиллеріи, то достоинство и

слава этого оружія нашей арміи признаны на опытѣ, въ продолженіе многихъ кампаній, превосходными; одно неудобство, которое было при ней, именно употребленіе большихъ лошадей, отмѣнено нынѣшнимъ государемъ, послѣ чего должно сознаться, что артиллерія наша первая въ Европѣ. При всемъ томъ я-бы желалъ, чтобы при арміи нашей заведены были пушки, изобрѣтенныя отцомъ моимъ; онѣ въ 1807 году были испытаны въ Систербекѣ, причѣмъ оказалось, что онѣ выдерживали 50 выстрѣловъ сряду до разгоряченія и въ цѣль стрѣляли очень хорошо. Графъ Аракчеевъ опровергалъ ихъ пользу, но я убѣдился, что онѣ съ рѣшительною пользою могли-бы быть употребляемы въ полевыхъ сраженіяхъ въ большомъ числѣ, отъ 100 до 200 на одномъ мѣстѣ, при атакахъ и оборонахъ, въ каковомъ случаѣ необыкновенная разрушительная сила ихъ дѣйствія должна опрокинуть все поставленное на встрѣчу. Въ гористыхъ мѣстахъ на Кавказѣ онѣ также могутъ служить съ пользою, ибо легкость ихъ вѣса безъ конной упряжи, дешевизна заготовленія и удобство переправы ихъ чрезъ болота и вершины горъ на рукахъ, представляютъ большія выгоды. Шесть человѣкъ у каждой пушки съ лафетомъ достаточны къ движенію ихъ на походѣ и къ дѣйствію въ сраженіяхъ. По моему мнѣнію, одинъ таковой артиллерійскій полкъ, состоящій изъ 4,000 человѣкъ и снабженный 400 пушекъ, долженъ въ каждомъ полевомъ сраженіи рѣшить успѣхъ дѣла въ пользу нашу, потому что ядра и картечи, пущенныя изъ нихъ, падаютъ столь-же далеко, какъ изъ обыкновенныхъ 3-хъ фунтовыхъ орудій ¹⁾. Не будь я сыномъ изобрѣтателя этихъ пушекъ, я-бы утруждалъ государя настоятельною просьбою завести для опыта на первый случай хотя только 50 такихъ орудій. Если ты переживешь меня, то прошу тебя употребить всевозможное стараніе довести до свѣдѣнія государя императора предположеніе мое насчетъ этого предмета ²⁾. Въ

¹⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: „Dreifündigen Kanonen von Latun“.

²⁾ Примѣчаніе барона Тизенгаузена. При назначеніи генералъ-адъютанта Нейдгардта главнокомандующимъ на Кавказѣ я ему сообщалъ мнѣніе фельдмаршала; впослѣдствіи времени я объ этомъ-же предметѣ обратился къ начальнику моему, директору департамента военныхъ поселеній, генералу Корфу, съ просьбою довести о томъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, но онъ отсвѣтовалъ мнѣ.

петербургскомъ арсеналѣ находится нѣсколько такихъ орудій, которыя могли-бы служить образцами къ приготовленію другихъ“.

О вѣроятности скорого моего отправленія съ денешами къ его величеству въ Варшаву и возвращенія арміи нашей въ предѣлы Россіи

На второй день святой недѣли полученъ былъ отвѣтъ графа Воронцова на счетъ моего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ съ задержаніемъ и окурениемъ меня въ продолженіе только 24 часовъ, вслѣдствіе чего отъѣздъ мой въ Варшаву назначенъ былъ черезъ два дня. Фельдмаршалъ цѣлый тотъ день занимался письменными дѣлами до самаго вечера, когда онъ меня позвалъ къ себѣ и мнѣ сказалъ: „Послѣ завтра ты поѣдешь съ Богомъ! Я цѣлый день писалъ письма, которыя ты долженъ доставить: въ Варшавѣ—его императорскому величеству, въ Петербургѣ—графу Чернышеву и другимъ лицамъ, предполагая, что государь тебя немедленно отправитъ туда. И Воронцову я писалъ и благодарилъ его за уваженіе моей просьбы на счетъ твоего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ. Письмо къ нему ты можешь тамъ отдать инженерному подполковнику Ковреву. Въ Варнѣ заѣзжай къ генералу Красовскому и доставь ему бумаги, писанныя на его имя. На обратномъ пути въ Россію, на вершинѣ Балканъ, я надѣюсь 1-го мая ¹⁾ проститься съ моими военными товарищами, которые храбростію и мужествомъ своимъ возвели меня на эту вершину чести и славы. Довольно странно, что на мнѣ сбылись пророчества юности моей, имѣвшія предметомъ фельдмаршальскій жезлъ; сбылись мечты, которыя я тогда при поэтическомъ воззрѣніи на міръ изложилъ въ стихахъ, но когда я возмужалъ и позналъ свѣтъ съ прозаической стороны его, борьбу жизни съ судьбою и случаями, поэзія потеряла для меня свою прелесть, тѣмъ болѣе, что я на поприщѣ дѣятельнаго военнаго сужденія примѣтилъ, что стихотворцы рѣдко бываютъ дѣловыми людьми“.

---

¹⁾ День рожденія графа Дибича, 1-го (12-го мая) 1785 года.

Переселеніе румеліотовъ изъ-за Балканъ въ Россію. — Извустныя порученія фельдмаршала для доклада государю императору. — Объ обстоятельствахъ тогдашняго положенія фельдмаршала по службѣ.

Разговоръ нашъ прерванъ былъ жалостнымъ крикомъ одного изъ жителей Румеліи, которымъ, по мирнымъ трактатамъ адриано-польскимъ, дозволено было переселиться въ Россію. Этотъ бѣднякъ просилъ подъ окномъ фельдмаршальской комнаты о денежномъ пособіи, чтобы имѣть возможность слѣдовать за своими собратьями, которые уже отправились въ походъ, предавъ жилища свои пламени. Фельдмаршалъ, узнавъ о причинѣ просьбы, взялъ со стола свертокъ золотыхъ турецкихъ монетъ, выбросилъ его румеліоту и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „около 20,000 семействъ нашихъ единовѣрцевъ христіанъ румеліотовъ переселяются черезъ Дунай въ Бессарабію, люди прилежные, винодѣльцы, хлѣбопашцы и ремесленники, которые, страдавъ подъ гнетомъ жестокаго правительства турецкаго, изъ рода въ родъ будутъ благословлять великодушіе, щедрость и милосердіе русскаго монарха, спасаго ихъ отъ угнетенія. Они въ полной мѣрѣ замѣнятъ тотъ убытокъ народонаселенія, который произошелъ у насъ отъ моровой язвы, холеры и самой войны. Ты, проѣзжая чрезъ Балканы, догонишь ихъ и увидишь, какъ они съ радостью спѣшатъ въ обѣтованную вновь землю; мнѣ донесено, что они со всѣмъ своимъ имуществомъ, при пѣсняхъ и музыкѣ, безъ усталы и отдыховъ тянутся къ Дунаю. Обращаясь къ твоему отъѣзду, я прошу тебя, любезный другъ, доложить его величеству, что смерть моей жены произвела совершенную перемѣну во всѣхъ предположеніяхъ будущей моей жизни, что я потому службу мою посвящаю навсегда его величеству и Россіи, что я въ отношеніи этой службы не питаю никакихъ желаній и единственно ожидаю съ нетерпѣніемъ повелѣніе его величества, которое осчастливитъ меня совершенно, если доставитъ мнѣ вновь возможность лично изъявить предъ нимъ тѣ-же чувства искренней благодарности и преданности, одушевлявшія меня всегда. Скажи даже, что я охотно откажусь отъ желанія побывать въ Силезіи, если государю императору благоугодно будетъ употребить меня на службу; что я съ привычнымъ усердіемъ неусыпно готовъ представить его величеству новыя доказательства моей вѣрности.

Что-же касается до причинъ, побудившихъ меня утруждать государя просьбами чрезъ графа Чернышева, на которыя монархъ съ благосклоннымъ великодушіемъ соизволилъ согласиться, то я, буде его величеству благоугодно будетъ ихъ узнать, я изустно буду имѣть счастье довести ихъ до свѣдѣнія государя императора.

„Признаюсь тебѣ, любезный другъ“—продолжалъ фельдмаршалъ,—„что нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ я чрезъ графа Чернышева просьбы мои доставилъ его величеству, наступилъ моментъ, въ который я убѣдился, что злонамѣренныя дѣйствія нѣкоторыхъ особъ, которымъ я никогда не подавалъ повода содѣлаться моими врагами, старались интриговать противъ меня; что это обстоятельство побуждало меня оставить Россію на нѣкоторое время, я считалъ ниже достоинства правилъ моихъ оставаться далѣе предметомъ коварныхъ противъ меня замысловъ или быть поставленнымъ въ крайнюю необходимость защищаться или жаловаться. Меня оскорбляли въ то время, когда я оказалъ Россіи новыя услуги, и хотя я былъ увѣренъ, что государю императору осталось неизвѣстнымъ все, что противъ меня предпринимали, но эти интриги были такъ хитро сплетены, что я ни письменно, ни словесно не могъ упомянуть о нихъ предъ его величествомъ, не подвергаясь упреку сдѣлаться неблагодарнымъ. Далѣе-же оставаться въ такомъ затруднительномъ положеніи я не имѣлъ охоты, и потому рѣшился, послѣ многотрудныхъ заботъ кампаніи, на нѣкоторое время уѣхать за границу, чтобы отдохнуть въ спокойствіи, и моимъ удаленіемъ изъ Россіи обезоружить моихъ враговъ, предполагая, что самое время безъ моей помощи выяснитъ все, что могло бросить тѣнь на образъ моихъ дѣйствій. Притомъ я по чувству благодарности къ государю императору хранилъ въ душѣ всегдашнюю готовность, по первому приказанію его величества, тотчасъ возвратиться и принять всякую должность, назначенную мнѣ его величествомъ.

„Степень, на которую я возведенъ былъ милостію моего монарха, довѣренность, которою онъ удостоивалъ меня, вѣроятность, что я опять вступлю въ званіе начальника главнаго штаба его величества, и успѣхи оконченной кампаніи породили противъ меня тѣму завистниковъ и недоброжелателей, числомъ равнымъ тѣмъ, которыхъ я обошелъ при производствѣ въ чинъ

фельдмаршала. Посредственные и непосредственные нападки ихъ на меня обнаруживались при всякомъ случаѣ, но оставались сокрытыми отъ свѣдѣнія государя. Вступить съ ними въ оборонительный бой не согласовалось съ моими правилами и чувствомъ достоинства, ибо, не враждуя ни съ кѣмъ, я въ случаѣ успѣха снова взваливалъ на свои плечи бремя прежнихъ трудовъ и заботъ, которые рѣшился принять не иначе, какъ по призыву моего монарха, и потому я намѣревался добровольно уступить мѣсто боя тѣмъ, которые ради этой цѣли отнеслись ко мнѣ враждебно. Это намѣреніе я и нынѣ полагаю еще привести въ исполненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняю въ вѣрномъ сердцѣ своемъ для моего государя ту непреложную благодарность, которая послѣ потери жены принадлежитъ всецѣло ему одному.

„Припомни себѣ, любезный другъ, эти слова мои и тогда, если меня можетъ быть уже не станетъ, и сохрани у себя это письмо и приложенный къ нему листъ; я послалъ ихъ къ женѣ въ Петербургъ, но ея уже не было въ живыхъ. Приложеніе же заключаетъ статью изъ гамбургскихъ газетъ, отъ 7-го августа 1829 года, № 125“.

Эти документы находятся понынѣ въ моихъ рукахъ; они для потомства фельдмаршала заключаютъ много любопытнаго и потому я здѣсь изъ нихъ упоминаю слѣдующее:

Въ письмѣ отъ 29-го февраля 1830 года фельдмаршалъ писалъ супругѣ своей: „Удоставившись, что уплата денежной суммы со стороны Оттоманской порты послѣдуетъ въ назначенный первый срокъ, я съ послѣднимъ фельдгегеремъ писалъ къ графу Чернышеву (съ тѣмъ, чтобы онъ это письмо могъ показать государю) подробно насчетъ моихъ намѣреній и желаній въ продолженіе этого и будущаго года. Я надѣюсь, что его величество, изъявлявшій почти въ каждомъ рескриптѣ ко мнѣ рѣдкую милость, благоволитъ дозволить мнѣ съ тобою въ скоромъ времени пользоваться спокойствіемъ. Если поѣздка государя въ Варшаву состоится въ нынѣшнее лѣто, то я по сердечному желанію моему избѣгну необходимости быть въ Петербургѣ въ теченіи зимы, ибо я чувствую, что присутствіе мое въ столицѣ уже по случаю благосклоннаго приѣма моего со стороны государя возбудитъ зависть и ревнивыя страсти многихъ изъ моихъ соперниковъ, что не ускользнетъ отъ опытнаго

взгляда моего въ теченіи 30-ти лѣтняго служенія въ кругу государственныхъ вельможъ, и тѣмъ самымъ подать мнѣ поводъ къ новымъ непріятнымъ открытіямъ, хотя я, благодаря Бога, не кичливъ. По истеченіи-же годичнаго срока, тысяча случаевъ и разныя отличія, оказанныя другимъ лицамъ, ослабить чувства зависти ко мнѣ и намъ легче будетъ свыкнуться другъ къ другу, особливо если самоотверженіе, смиреніе, возложенное на насъ религіею, будутъ способствовать въ кругу семейнаго счастья найти спокойствіе души и благополучіе жизни. Въ этомъ предположеніи заключаются мои желанія на ближайшую будущность. Я увѣренъ, что ты ихъ раздѣляешь со мною, а можетъ быть желаешь, чтобы срокъ, назначенный мною, продолжался-бы болѣе, чѣмъ это допускаютъ чувства долга и обязанности“.

Статья изъ гамбургскихъ газетъ была слѣдующая:

„Изъ Валахіи отъ 10-го іюля 1829 года.

„Славою увѣнчанные успѣхи оружія русскихъ въ теченіи этой кампаніи сдѣлали полководца идоломъ его арміи, ему приписываютъ всѣ искусныя военныя распоряженія и самая зависть онѣмѣла при заключеніи о немъ и его достоинствахъ, по которымъ его сравниваютъ съ прославившимися полководцами Россіи, которые со временъ Петра Великаго указывали русскимъ войскамъ путь къ побѣдамъ надъ невѣрными; его даже сравниваютъ съ тѣмъ героемъ, который двадцать лѣтъ сряду французскими легіонами пожиналъ себѣ и имъ лавры побѣдъ. Особы, находившіяся при фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, рассказываютъ о его неутомимой дѣятельности, присутствіи духа и томъ глубокомъ и вѣрномъ взглядѣ, съ которымъ онъ при каждомъ случаѣ открываетъ малѣйшія ошибки своего противника и ими пользуется, въ чемъ, по общему мнѣнію, заключается первое достоинство полководца. По большей части онъ ночью занимается дѣлами и послѣ четырехчасоваго покоя его опять видятъ на лошади. За нероскошнымъ обѣдомъ проводитъ онъ весьма короткое время. Во всѣхъ обстоятельствахъ общежитія и частной жизни онъ представляется человѣкомъ усовершенствованнаго образованія; снисхожденіе его привлекаетъ къ нему всѣ сердца, и въ войскахъ господствуетъ убѣжденіе, что генералъ Дибичъ рѣшитъ великую задачу государя своего“.

На другой день, послѣдній моего пребыванія въ Бургасѣ, фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ разныя порученія насчетъ собственныхъ его дѣлъ, возложивъ на меня управленіе его имѣніемъ, сказавъ притомъ: „Я желаю, чтобы ты адъютанта моего Баратынскаго взялъ съ собою, онъ, Будбергъ и князь Голицынъ— мои главные лучшіе адъютанты, по образованію ихъ и способностямъ. Я затрудняюсь отпустить большую часть ихъ, потому что увѣренъ въ усердіи и привязанности ихъ ко мнѣ и полагаю означенныхъ трехъ и Крузенштерна оставить“.

День моего отправленія въ Бургаса, и сообщенія фельдмаршала насчетъ Польши.

День отъѣзда моего насталъ; графъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вѣроятно, ты сегодня не уѣдешь, потому что прибывшій ночью фельдъегерь привезъ мнѣ депеши, изъ которыхъ видно, что государь навѣрное будетъ въ Варшавѣ; весьма сожалею, что и я не могу быть тамъ. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ такого рода, что они во мнѣ порождаютъ нѣкоторыя опасенія, но подобныя замѣчанія съ моей стороны имѣли всегда отвѣтомъ, что я всѣ предметы вижу въ мрачномъ видѣ; но я боюсь, что другіе, находящіеся вблизи государя, смотрятъ на дѣла Польши слишкомъ поверхностно и въ томъ весьма ошибаются. Хотя справедливо, что благосостояніе, порядокъ и даже богатство не только по наружности въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ въ Польшѣ распространились между всѣми классами тамошняго народонаселенія; армія щегольски вооружена и кипитъ желаніемъ сражаться, вообще поляки народъ храбрый; но борьба мнѣнній о необходимости конституціоннаго правленія, предпочитаемаго законному монархическому, неограниченная свобода книгопечатанія, которая въ лживыхъ софизмахъ излагаетъ, что достоинство человѣчества состоитъ въ достиженіи вольности, попирающей всѣ формы прежняго законодательства, стремится къ необузданному напряженію своеволія, разрушающаго счастье, спокойствіе и благосостояніе народовъ. Эта свобода книгопечатанія—губительный демонъ (!) нашего времени—приводитъ въ восторгъ воображеніе пылкаго юношества, воспаляетъ въ немъ духъ до изступленія и фанатизма, угрожаетъ Европѣ общимъ потрясеніемъ, низвергая въ прахъ прежнія законоположенія, основанныя на нравственности и христіанской вѣрѣ. Этотъ де-

монъ разврата (!) со всѣми спутниками нравственнаго преобразованія (!) является подъ видомъ ангела спасителя въ убѣжденіяхъ такихъ народовъ, которые прежде этого имѣли самостоятельность, потому что слова: вольность, вѣротерпимость, человеколюбіе, естественное право, человѣческое достоинство возбуждаютъ въ нихъ надежды на будущее благополучіе, достиженіе котораго соединено съ совершеннымъ разрушеніемъ нынѣшняго порядка вещей. Польскій народъ, по справедливости называемый сѣверными французами, преимущественно принадлежитъ къ этому разряду восторженныхъ, которымъ усладительный ядъ обманчивой надежды на возстановленіе національности доставляется изъ Франціи, изъ нѣдръ вулкана, въ которомъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ накопились всѣ матеріалы къ политическимъ потрясеніямъ Европы, изливавшіяся повсюду губительнымъ пламенемъ. Австрія, Пруссія и Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, не тронуты еще этимъ пожаромъ; на ихъ границахъ образовался валъ сопротивленія, воздвигнутый нравственными качествами ихъ жителей и благосостояніемъ этихъ народовъ“.

Особенности въ выраженіяхъ и разсказахъ фельдмаршала.—Сужденія его о Россіи, нравственномъ могуществѣ сей державы, о духѣ народномъ, сохраненіи древнихъ обычаевъ и вѣры, о любви къ Монарху, о русскомъ дворянствѣ.—О губерніяхъ Остзейскихъ и о дворянствѣ того края.

Фельдмаршалъ въ разговорахъ своихъ по дѣламъ службы изъяснялся обыкновенно отрывисто, пылкость воображенія его не позволяла ему продолжительныхъ изложеній, но въ разговорахъ частныхъ, въ которыхъ онъ непринужденно излагалъ мнѣнія свои или сообщалъ событія своей жизни, онъ съ большою подробностію не упускалъ ни малѣйшаго обстоятельства, служащаго къ поясненію его разсказа. Въ бесѣдахъ со мною его отзвѣвы состояли въ отвѣтахъ на мои вопросы, возраженія или сомнѣнія. И о нихъ здѣсь не упомянулъ, но представилъ только то, что потомству фельдмаршала могло быть интересно. Въ продолженіе вышеупомянутаго разговора графъ продолжалъ:

— „До Россіи этотъ губительный ядъ лжемудрія еще не проникъ и полстолятія протечетъ, пока онъ здѣсь станетъ извѣстенъ. Подъ названіемъ Россіи я здѣсь понимаю общую массу народонаселенія, за исключеніемъ части высшаго дворянства,

иностранцевъ и богатѣйшаго купечества. За этимъ исключеніемъ, общая масса народа вполне искренно предана еще добродѣтелямъ своей вѣры, святости древняго быта и обрядовъ, равно и національнымъ обычаямъ русскаго народа, въ особенности вѣрности, приверженности и любви къ своему Монарху. Покорствуя законамъ и волѣ государя безъ малѣйшаго прекословія или возраженія, народъ считаетъ себя благополучнымъ, наслаждаясь своимъ благосостояніемъ въ безопасности имущества и личной свободы, а если онъ иногда подверженъ случаямъ притѣсненія или несправедливости, то здравый смыслъ и природный умъ приписываютъ таковыя отступленія отъ общаго порядка личности противузаконно дѣйствующихъ чиновниковъ, которые въ каждомъ большомъ государствѣ и при лучшемъ государственномъ управленіи всегда встрѣчаются. Умѣренные денежныя подати не тягостны простонародью, источники промышленности у насъ еще не исчерпнуты, народонаселеніе въ отношеніи къ пространству земли посредственно, такъ что еще 50 миллионъ жителей могли-бы умѣститься въ Россіи, находить въ хлѣбопашествѣ достаточное пропитаніе. Россія втрое больше Европы и каждый членъ этой огромной державы, отъ государственнаго вельможи до крестьянина, убѣжденъ, что онъ подъ скипетромъ самодержавнаго государя единственно можетъ найти свое благополучіе. Даже всякій русскій дворянинъ, за исключеніемъ весьма малаго числа, которое воспитывалось въ чужихъ краяхъ, купечество, промышленники и даже хлѣбопашцы, способствуютъ всѣ вмѣстѣ русскому колоссу дать болѣе и болѣе твердости, такъ что этотъ исполинъ, на подобіе пирамидъ египетскихъ, можетъ устоять противъ бурь временъ въ теченіе тысячелѣтій.

Я напомнилъ графу о заговорѣ, обнаружившемся въ 1826 г. „Нарывъ на здоровомъ тѣлѣ нашей державы“, — возразилъ графъ, — „который слѣдовало вырѣзать совершенно, чтобы навсегда истребить слѣды его. Конечно, подобный случай можетъ опять появиться, но не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ, т. е. послѣ новаго поколѣнія; но мудрость и твердость правительства и тогда легко уничтожатъ его, какъ въ первый разъ. Цѣлыя династіи могутъ исчезнуть на престолѣ, Равальяки и Анкарштремы могутъ появляться, но монархическое правленіе въ Россіи продолжится на многія столѣтія. Благословенія подданныхъ оста-

нутя навсегда оборонительною защитою противъ руки святотатца, измѣны и возмущенія“.

— „Чистѣйшими перлами въ коронѣ русскаго государя являются провинціи Остзейскія. Дворянство тамошнее гордится правомъ принадлежать къ Россіи и отличается вѣрностію и преданностію къ монарху. Съ мужествомъ и храбростію служить оно въ рядахъ русской арміи, стараясь пламеннымъ усердіемъ во всякомъ случаѣ доказать на дѣлѣ искреннюю свою приверженность къ престолу и уподобиться во всемъ похвальному коренному русскому дворянству. Къ общему прискорбію, теперь породилась еще ревность со стороны послѣднихъ къ остзейскому дворянству. Причина этому, вѣроятно, состоитъ въ томъ, что остзейцы на службѣ коронной остаются постоянно до старости лѣтъ и, возвысившись до званія государственнаго сановника первыхъ двухъ степеней, продолжаютъ свою службу до тѣхъ поръ, пока она еще полезна правительству. Въ этихъ случаяхъ они, признавая самихъ себя пасынками одной и той-же державы, переносятъ безъ ропота всѣ непріятности и даже несправедливости своихъ главныхъ начальниковъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ въ той увѣренности, что правительство имъ отдастъ нѣкогда заслуженную справедливость. Потому и нынѣ многія отрасли государственнаго управленія находятся въ рукахъ чужестранныхъ и остзейскихъ нѣмцевъ, которые не подвергаются перемѣнѣ въ своихъ званіяхъ. Но для уничтоженія этой ревности я полагаю не бесполезнымъ, ежели правительство предоставляло-бы остзейскому дворянству право принимать русскія фамиліи наименованія, особливо тѣмъ, которые, происходя отъ смѣшанныхъ браковъ, исповѣдуютъ православную вѣру. Въ теченіи пятидесяти до ста лѣтъ тогда по большей части исчезли-бы нѣмецкія прозванія и исчезли-бы причины, вызывающія ревность и интриги, и даже ненависть и преслѣдованіе“.

Отъѣздъ мой изъ Бургаса и пріѣздъ въ Сатуново; неожиданное задержаніе мое тамъ. — Письмо фельдмаршала, писанное мнѣ по сему случаю.

Къ графу принесли депеши, приготовленныя къ отправленію со мною. „Отъ тебя зависитъ уѣхать еще сегодня (была уже полночь) или завтра поутру по раньше“, — сказалъ графъ, передавъ мнѣ всѣ бумаги запечатанными.

Я зналъ, что графъ по дѣламъ службы не дѣлалъ исключенія изъ общаго правила заведеннаго порядка и потому я не хотѣлъ отступить отъ обыкновенія. Я отвѣчалъ графу: „Экипажъ мой готовъ, ночь свѣтла, и такъ позволь мнѣ отправиться сейчасъ“. Мы съ нимъ простились.

Когда я пріѣхалъ въ Сатуновскій карантинъ, меня и все, что было при мнѣ, подвергли сильному окуриванію. Командиръ дунайскаго тетъ-де-пона, полковникъ Кокоревъ, объявилъ мнѣ, что я на другое утро могу отправиться далѣе по дорогѣ въ Варшаву. Квартиру, отведенную мнѣ въ карантинѣ, обставили часовыми, изъ чего я заключилъ, что меня считали зараженнымъ чумою, и я опасался, что меня задержутъ, въ чемъ я не ошибся. Въ полночь полковникъ Кокоревъ явился ко мнѣ съ адъютантомъ графа Воронцова, привезшимъ ко мнѣ письмо отъ его сіятельства изъ Одессы, въ которомъ графъ Воронцовъ весьма вѣжливо сообщилъ мнѣ о полученномъ чрезъ графа Чернышева Высочайшемъ повелѣніи не пропускать никого чрезъ Сатуновскій карантинъ, не подвергнувъ его строжайшимъ карантиннымъ постановленіямъ и задержанію въ теченіи 14 дней. И такъ, исчезли предо мною всѣ лестныя надежды представиться лично Его Императорскому Величеству въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого я отправилъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу по эстафетѣ всѣ полученныя отъ него депеши, извѣстивъ его о случившемся, и просилъ о присылкѣ мнѣ палатки и съѣстныхъ припасовъ. На третій день получилъ я отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Любезный другъ, сердечно сожалѣю, что распоряженіе, изъ Петербурга полученное, вслѣдствіе недовѣрчивости нашихъ высшихъ властей, доставитъ тебѣ на нѣсколько дней въ Сатуновѣ скуку и непріятности. Я надѣюсь, что ты тамъ не заболѣешь и къ пріѣзду моему къ тебѣ пригодишься, чтобы со мною отправиться въ крѣпость Тирасполь, назначенную мнѣ мѣстомъ карантина. Ежели мостъ черезъ Дунай у Сатунова будетъ наведенъ, то я къ тебѣ пріѣду 1-го или 2 мая. Бургасъ 21 апрѣля“.

Гр. Дивичъ-Забалканскій.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ ¹⁾.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Сатуново и въ Тирасполь. — Прибытіе туда графа Веронцова, графа Витта, генераловъ Клейнмихела и Микулина. — Образъ жизни фельдмаршала въ Тирасполѣ и занятія его. — Описаніе нѣкоторыхъ подробностей характера графа Дибича.

Мая 3-го фельдмаршалъ Дибичъ прибылъ въ Сатуново, гдѣ строго подвергнулся всѣмъ правиламъ карантина. На другое утро поѣхали мы по дорогѣ къ Тирасполю. Во время поѣздки фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „ему донесено было, что графъ Воронцовъ, по полученіи отъ фельдмаршала письма и просьбы о сокращеніи моего карантина, отправилъ нарочнаго курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ объ этомъ случаѣ и съ такими съ его стороны замѣчаніями, что неминуемо должно было послѣдовать упомянутое высочайшее повелѣніе. Этотъ поступокъ мнѣ непріятенъ только въ томъ вниманіи, что я нѣсколько дней безъ нужды лишился удовольствія видѣть тебя въ Бургасѣ“.

Мы въ короткое время доѣхали до крѣпости Тирасполя, хотя графъ, страдая опухолью въ ногахъ, всегда ночевалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ LXXIX, мартъ, стр. 511—536; томъ LXX, апрѣль, стр. 46—70.

въ одной изъ деревень, лежащихъ по дорогѣ. Внутренность крѣпости раздѣлена была на двѣ половины, такъ что часть эспланады, церковь, госпиталь и казематы, занятые преступниками, находились на одной сторонѣ и по отдѣляющему ее канатомъ направленію поставлена была цѣпь часовыхъ, съ тѣмъ, чтобы свита фельдмаршала не могла имѣть никакого сообщенія съ нею. На другой-же половинѣ находились три бастіона крѣпости съ ихъ куртинами для помѣщенія фельдмаршала; они обращены были къ городу и Днѣстру, представляя, смотря изъ крѣпости, прелестную картину. Весна разсыпала передъ нами съ роскошью всѣ богатства природы тамошняго края, и когда графъ, при лунномъ свѣтѣ, прохаживался со мною по валу этихъ трехъ бастіоновъ, внимательно прислушиваясь къ пѣнію множества соловьевъ, порхающихъ изъ куста въ кустъ, то не далеко отъ гласиса онъ погрузился въ печальную задумчивость и всѣ раны изъязвленнаго потерей супруги сердца его вновь раскрылись.

При вступленіи нашемъ въ крѣпость фельдмаршала встрѣтили у назначеннаго дома плацъ-маіоръ и почетный караулъ. Мы туда пріѣхали довольно поздно вечеромъ. Множество часовыхъ, разставленныхъ около графскаго дома, ему не понравилось, ибо ему казалось, что онъ окруженъ ими какъ заточенный. — „Кто вамъ далъ повелѣніе, спросилъ онъ съ живостью и съ недовольнымъ видомъ плацъ-маіора, — обставить меня такъ тѣсно часовыми?“ Тотъ, смѣшавшись отъ такого вопроса, отвѣчалъ, что графъ Воронцовъ приказалъ ему такъ распорядиться. — „Быть не можетъ, возразилъ фельдмаршалъ, — ибо графъ Воронцовъ слишкомъ благоразуменъ и не могъ предполагать, чтобы рука и штыкъ русскаго солдата дерзнули-бы воспрепятствовать своему фельдмаршалу идти куда онъ пожелаетъ“. Въ сильномъ волненіи графъ приказалъ разослать всѣхъ часовыхъ, исключая тѣхъ, которые по отдѣляющей крѣпость кордонной линіи находились въ цѣпи. — „Я полагаю, прибавилъ графъ, — что никто не подумаетъ, чтобы я чрезъ валъ крѣпости хотѣлъ удалиться, а внутри ея, по назначенному мнѣ для карантина пространству, я, кажется, имѣю право ходить куда мнѣ вздумается“.

Недостатокъ вниманія къ особѣ его со стороны военнаго и гражданскаго вѣдомствъ при встрѣчѣ, весьма посредственная мебель въ квартирѣ его, упомянутое распоряженіе о часовыхъ

непріятно коснулось раздраженныхъ болѣзненнымъ положеніемъ чувствъ графа; онъ сдѣлался молчаливымъ, жаловался, что чувствуетъ себя нездоровымъ, и ранѣе обыкновеннаго простился со мною.

На другой день принялъ онъ графа Воронцова, который въ парадной формѣ явился у канатнаго барьера, куда вынесли два стула, одинъ изъ госпиталя для графа Воронцова, другой изъ квартиры фельдмаршальской. Канатная линія раздѣляла ихъ. Я стоялъ на дворѣ, у дверей графской квартиры, и не могъ слышать ихъ разговора, который сначала фельдмаршалъ велъ громкимъ и встревоженнымъ голосомъ, а графъ Воронцовъ тихо и весьма вѣжливо. Фельдмаршалъ подозвалъ меня и представилъ графу, какъ близкаго своего родственника и какъ друга, раздѣлявшаго съ нимъ въ Бургасѣ дни скорби и смятенія. Мы позволили быть свидѣтелями ихъ весьма интересной бесѣды, продолжавшейся около часа. Графъ Воронцовъ уѣхалъ и вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Одессы къ фельдмаршалу для посѣщенія его: графъ Виттъ, а потомъ генералы Клейнмихель и Микулинъ. Съ послѣдними онъ разговаривалъ долго.

На одномъ бастионѣ крѣпости, мимо котораго тянулась дорога изъ Бендеръ въ Тирасполь, фельдмаршалъ приказалъ раскинуть походную свою малую палатку. Тамъ онъ обыкновенно пилъ чай и оставался до тѣхъ поръ, пока его отзывали къ ужину, по окончаніи котораго мы до полуночи оставались вмѣстѣ. Мѣсто лейбъ-медика Шлегеля занималъ у графа докторъ Задлеръ. Черезъ нѣсколько дней прибыли также въ карантинъ находившіеся при канцеляріи его полковники Сотниковъ и Зуровъ и адъютанты графскіе князь Голицынъ и Баратынскій, которые составляли ежедневное наше общество за обѣденнымъ столомъ. Изъ Одессы прислалъ графъ Воронцовъ въ подарокъ фельдмаршалу вина и съѣстные припасы. Двухнедѣльный карантинъ прошелъ незамѣтно.

Образъ жизни фельдмаршала былъ подобенъ бургасскому; служебныхъ занятій у него было менѣе, но проводилъ день въ чтеніи книгъ и много писалъ. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали разговоры его со мною, я уже не припомню теперь, и многіе предметы его бесѣды со мною исчезли изъ памяти моей, потому что я не велъ журнала, не полагая, что когда-либо могъ-бы

такимъ пользоваться. Графъ былъ однимъ годомъ моложе меня, слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, онъ могъ пережить меня.

Разсказы его были изліяніемъ радушнаго его характера, расположеннаго къ сообщенію своихъ мнѣній, опытовъ и случившихся съ нимъ происшествій. Оказанная мнѣ при этомъ довѣренность казалась мнѣ потребностью его дружескаго ко мнѣ расположенія; онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить меня за долгое лишеніе меня своего общества, или желалъ посвященіемъ меня въ тайны жизни и сердца своего выразить признательность свою за всѣ доказательства моей дружбы къ нему. Безъ побужденія съ моей стороны онъ ежедневно въ разговорѣ со мною касался до новыхъ предметовъ, относившихся обыкновенно къ новому его отечеству Россіи, къ разнымъ особамъ и событіямъ его жизни. Онъ выражался при этомъ безъ видимаго выбора словъ, языкомъ изящнымъ, заключавшимъ въ себѣ болѣе риторики, чѣмъ онъ полагалъ. Все низкое и безнравственное въ словахъ, въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ людей ему было противно; онъ считалъ это принадлежностью порока. Характеръ его былъ вспыльчивъ, легко воспламенявшійся, какъ скоро полагалъ встрѣтить лести, незаконности, хитрости и подлости, но въ самомъ пылу гнѣва своего, при изъясненіи крайняго своего неудовольствія, онъ не употреблялъ выраженій обидныхъ для чести, всегда человѣколюбіе одерживало верхъ въ скромномъ сердцѣ его, расположенномъ къ жалости; когда онъ полагалъ, что заносчивость, мнительность, незаслуженная недовѣрчивость или несправедливое уразумѣніе обстоятельствъ и случаевъ побуждали его къ строгимъ выговорамъ, оскорбившимъ безвинно того, кому они были сдѣланы, тогда онъ всѣми средствами старался загладить свою ошибку и доставить обиженному возмездіе. Въ такихъ случаяхъ онъ считалъ даже долгомъ своимъ быть нѣсколько разъ снисходительнымъ къ ошибкамъ, сдѣланнымъ впослѣдствіи тѣмъ, котораго онъ однажды безъ причины огорчилъ. Это прекрасное качество характера употребляли иногда во зло люди, знавшіе такую черту его сердца, нарочно подавая ему поводъ къ вспыльчивости и раздраженію, съ тѣмъ, чтобы послѣ того пользоваться его снисхожденіемъ на счетъ ихъ просьбъ. Онъ зналъ эту слабость своего характера и часто сожа-

лѣлъ, что онъ не въ состояніи укрощать порывы своей вспыльчивости.

Сужденіе фельдмаршала Дибича о графѣ Аркачеевѣ.

Сужденіе его о графѣ Аркачеевѣ, сдѣланное случайно предметомъ разговора, было слѣдующее:

— „Это рѣдкое и необычайное явленіе нашего времени можно было-бы назвать великимъ мужемъ, ежели поступки его были-бы всегда столь-же справедливы и безкорыстны, какъ та вѣрность, съ которою онъ твердо исполнялъ волю и намѣренія своего государя. Было время, когда онъ занималъ мѣсто перваго государственнаго министра, не будучи облеченъ этимъ названіемъ, и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего монарха,—подъ щитомъ котораго онъ пренебрегалъ ненавистію дворянства, народа и царедворцевъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, онъ обладалъ рѣдкою дѣятельностію, прозорливостію и навыкомъ управлять всѣми отраслями государственнаго устройства и необыкновенною твердостію души въ достиженіи предназначенной себѣ цѣли; но онъ часто нарушалъ справедливость произволомъ предоставленной ему власти изъ пристрастнаго озлобленія или нерасположенія къ особамъ, которыя наряду съ нимъ занимали мѣста въ государственномъ управленіи, ведя съ ними тайную и явную борьбу. Ближайшія и скорѣйшія средства къ достиженію своихъ цѣлей были для него предпочтительнѣе всѣхъ другихъ, не смотря на то, что они часто сопряжены были съ жестокостію и даже съ незаконностію. Во многихъ отношеніяхъ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ мужей въ царствованіе покойнаго государя, который въ немъ находилъ точнѣйшаго исполнителя своихъ порученій; онъ никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ непреоборимыхъ имъ затрудненій исполнять волю его величества. Съ холоднымъ сердцемъ и безжалостною скрытною душею, чуждый дружбы и любви, удаленный отъ всѣхъ сношеній общежитія, онъ довольствовался единственно царскою довѣренностію и хотя его снѣдало себялюбіе, онъ старался необыкновенностію своихъ поступковъ на поприщѣ честолюбца поражать своихъ современниковъ и доказать справедливость девиза своего: „безъ лести преданъ“. Потому онъ отка-

звался отъ всѣхъ отличій и наградъ монаршихъ, подъ предлогомъ, что щедроты и награды, полученныя отъ государя императора Павла I, превосходятъ всю возможность заслужить ихъ въ продолженіе цѣлой жизни. Преисполненный строитвостію и всѣми страстями, пылающими въ груди временщика, онъ въ глазахъ свѣта старался скрыть кичливыя чувства, порабошавшія его, но не могъ скрыть, что онъ наслаждался запрещенными плодами страстей и могущества. Въ искусствѣ познавать людей, которыхъ онъ вообще презиралъ, онъ достигъ совершенства; въ искусствѣ управлять ими и свѣтомъ ставилъ онъ выше себя только одного Наполеона, хотя онъ его ненавидѣлъ, какъ врага своего отечества. Хладнокровный, строгій и непоколебимый въ исполненіи опредѣленныхъ имъ наказаній, которыя обыкновенно превосходили степень сдѣланныхъ ошибокъ и преступленій, онъ часто былъ жестокъ и несправедливъ. Запятія письменныя и безпрестанная дѣятельность составляли стихію его существованія и ничто въ свѣтѣ не могло его убѣдить покинуть предприятие, признанное имъ однажды необходимымъ. Непримиимый въ ненависти и мщеніи, малодушный въ злополучіи, постигшемъ его одинъ разъ въ жизни, по случаю потери одной особы, къ которой его привязали время и привычка, въ немъ достоинство человѣка стояло гораздо ниже, чѣмъ качества государственнаго сановника. Однако, время и обстоятельства заставили его пережить періодъ величія своего; по моему убѣжденію, онъ государству своему былъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ“.

О фельдмаршалахъ графахъ Сакенѣ и Витгенштейнѣ.

Разговоръ перешелъ на фельдмаршаловъ Сакена и Витгенштейна. Графъ упомянулъ и о нихъ: „и на нихъ старость лѣтъ производить неотъемлемое право. Доблестные полководцы, которыхъ я душевно почитаю, какъ вслѣдствіе важныхъ заслугъ, оказанныхъ ими отечеству на поприщѣ военномъ, такъ и по рѣдкимъ качествамъ и добродѣтелямъ, отличавшимъ ихъ во всякое время, могутъ служить примѣромъ честности и справедливости“.

О генералахъ Гейсмарѣ, Киселевѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ.

Графъ воснулъ до талантовъ и преимуществъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ, назвавъ имена Гейсмара, Киселева и князя Горчакова, бывшаго своего адъютанта: „военныя способности Гейсмара обнаружались уже давно въ прежнихъ кампаніяхъ, въ которыхъ онъ отличился отважными предпріятіями. Соединяя практическую опытность съ теоретическими познаніями, онъ подаетъ надежду, что онъ всегда на полѣ чести отличится подвигами достохвальными. Одно мнѣ въ немъ не нравится—онъ неохотно подчиняется власти начальника, предпочитая дѣйствовать независимо, единственно по назначенію главнокомандующаго.

Генералъ Киселевъ, которому онъ былъ подчиненъ въ концѣ турецкой кампаніи, навѣрное подтвердитъ мое замѣчаніе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ сравниться съ Гейсмаромъ; но въ князѣ Горчаковѣ, бывшемъ моемъ адъютантѣ, я предвижу будущаго полководца русской арміи и совершенно убѣжденъ въ рѣдкихъ его талантахъ и способностяхъ, въ хладнокровной его храбрости и рѣдкомъ знаніи военныхъ подвиговъ древнихъ и новѣйшихъ временъ“.

Объ инженерномъ вѣдомствѣ и генералѣ Оперманѣ.—Сужденія фельдмаршала о коллегіальномъ и министерствомъ управленіи дѣлъ государственныхъ.

— „Инженерная часть у насъ хотя и хороша, заключая въ себѣ множество прекрасно образованныхъ по этой части штабъ-и оберъ-офицеровъ, но между генералами я никого не знаю, который могъ-бы занять мѣсто Опермана. Непостижимо для меня, что онъ до сихъ поръ не приготовилъ для себя наслѣдника, потому что, какъ государственный человѣкъ, каковое достоинство у него оспаривать нельзя, долгъ требовалъ-бы, чтобы онъ достойнѣйшаго изъ генераловъ подвинулъ-бы впередъ, отличая его преимущественнымъ довѣріемъ. Такое правило необходимо было бы завести для блага государства по всѣмъ отраслямъ управленія. Въ этомъ отношеніи я предпочитаю коллегіальную систему теперешней, министерской, потому что при

первой системѣ въ числѣ членовъ коллегіи всегда находилось нѣсколько особъ, которыя участвовали съ давняго времени въ производствѣ дѣлъ и, обогатившись опытностью, могли замѣнять предсѣдателя, въ случаѣ его болѣзни и смерти. Сверхъ того, большинство голосовъ удерживало самовластіе въ тѣсныхъ предѣлахъ законности, чего нѣтъ при министерскомъ управленіи, гдѣ иногда министръ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по собственнымъ своимъ, часто даже ошибочнымъ, заключеніямъ. И хотя теперь учрежденіе совѣтовъ и особенныхъ комитетовъ нѣсколько ограничиваетъ произволъ министровъ, но, находясь подъ вліяніемъ ихъ власти, предполагаемая цѣль совѣта не достигается. По моему убѣжденію, коллегіальная система управленія имѣетъ значительныя преимущества въ большихъ державахъ. Здѣсь можно сдѣлать только одно возраженіе—это медленность въ производствѣ дѣлъ, но этотъ недостатокъ можно устранить исправленнымъ порядкомъ писмоводства. Важнѣе всего строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и уничтоженіемъ всякаго произвола, клонящагося къ ложному толкованію смысла законовъ. При министерской системѣ управленія безпрестанно перемѣняются формы самаго управленія и писмоводства. Новый министръ, вступая въ должность предшественника своего, обыкновенно не только не одобряетъ прежнихъ распоряженій, но часто даже порицаетъ ихъ и введеніемъ разныхъ перемѣнъ въ формальности прежняго порядка затрудняетъ чиновниковъ. Въ коллегіяхъ же при смѣнѣ предсѣдателя все оставалось въ прежнемъ порядкѣ и перемѣна президента едва становилась замѣтною“.

Сужденія фельдмаршала о графѣ Бенкендорфѣ и генералѣ-адъютантѣ Адлербергѣ.

При подобныхъ разговорахъ фельдмаршалъ упоминалъ о генералахъ и первыхъ сановникахъ государства, окружающихъ престолъ и особу государя императора. Въ числѣ первыхъ онъ называлъ графа Бенкендорфа и генералъ-адъютанта (Влад. Фед.) Адлерберга. „По моему убѣжденію, они одни во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ всегда готовы пожертвовать самою жизнью для своего монарха. — Я имѣю случай — продолжать

графъ—слѣдитъ внимательно за всѣми ихъ поступками и, находясь съ ними, по дѣламъ службы, въ разныхъ сношеніяхъ, я удосто-вѣрился совершенно, что выборъ государя, довѣріе, которое онъ питаетъ въ нимъ, и кругъ дѣйствія, указанный каждому изъ нихъ, оправдываются въ полной мѣрѣ неограниченною предан-ностью, постояннымъ усердіемъ и примѣрною дѣятельностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Должность графа Бенкен-дорфа требуетъ необыкновенной осторожности, потому что малѣй-шая ошибка въ его мѣрахъ влечетъ за собою вредныя по-слѣдствія; но правила величайшей справедливости, чувство человеколюбія и участіе въ страданіяхъ невинныхъ уравни-ваются въ немъ чрезвычайною заботливостію объ особѣ своего государя, личною привязанностію и любовью къ нему и отчетливымъ соблюденіемъ справедливости. Положеніе гене-рала Адлерберга, сколько я могъ замѣтить, не менѣе затруд-нительно. Будучи осыпанъ благодѣяніями своего монарха, онъ пользуется наравнѣ съ графомъ Бенкендорфомъ полнымъ довѣ-ріемъ Его Величества. При всемъ томъ Адлербергъ сохранилъ скромность и любезность юности своей, удаляется отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, не порученныя ему государемъ, упо-требляя вліяніе свое единственно на испрошеніе милостей дру-гимъ, на защищеніе невинности, когда она къ нему обращается, заботясь притомъ, чтобы содѣйствіе его въ оказанныхъ госуда-ремъ благодѣяніяхъ оставалось сокрытымъ отъ всѣхъ“.

О графахъ Орловѣ и Паленѣ.

— „Ежели принужденность, стѣсняющая жизнь государствен-наго человѣка и отдаляющая его отъ общественной жизни, не лишали-бы и меня возможности предаваться въ обхожденіи съ людьми связямъ дружбы, то графъ Бенкендорфъ и генералъ Адлербергъ находились-бы въ числѣ тѣхъ, которыхъ я бы пред-почелъ многимъ. Графъ Орловъ и графъ Паленъ заслуживаютъ также быть въ непосредственной близости къ особѣ императора. Перваго изъ нихъ считаю я своимъ другомъ, равно и графа Чернышева. Графъ Орловъ во время бытности своей въ Адрианополѣ многими доказательствами пріязни ко мнѣ подтвердилъ мнѣніе мое о немъ, онъ-же старался тогда разуверить меня

въ непріязненномъ расположеніи ко мнѣ генерала Закревскаго, который прежде этого никогда не скрывалъ своей ненависти ко мнѣ, хотя я съ своей стороны вовсе не подавалъ повода къ тому; но я полагаю, что назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ произвело въ немъ совершенную перемену, потому что онъ, какъ графъ Орловъ меня увѣрялъ, узналъ о моемъ содѣйствіи къ этому назначенію“.

О князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.

— „Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занимаетъ также свое мѣсто при государѣ съ полною преданностью къ престолу. Смерть въ Бозѣ почивающаго государя въ Таганрогѣ дала мнѣ случай удостовѣриться въ этой истинѣ. Никого изъ окружавшихъ тогда покойнаго государя не поразила смерть усопшаго царя такъ глубоко, какъ князя Волконскаго. Я видѣлъ глубокую скорбь его, участіе и болѣзненное душевное страданіе о нашей ужасной потерѣ. Такое согласіе во взаимныхъ чувствахъ скорби и преданности къ нашему государю-благодѣтелю сблизило насъ опять, ибо князь до того времени не могъ, кажется, забыть, что я нѣкогда былъ его подчиненнымъ, а впослѣдствіи занялъ у покойнаго государя занимаемую имъ должность начальника главнаго его штаба. Теперь-же я полагаю, что онъ опять отъ меня удалился, съ тѣхъ поръ, когда благоволеніе и милость царствующаго монарха вручили мнѣ фельдмаршальскій жезлъ и достоинство полководца; впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ, по званію министра двора, въ полной мѣрѣ оправдываетъ ожиданія государя, и почти излишнею экономіею сберегаетъ интересъ короны съ рѣдкою заботливостію; онъ не избѣгаетъ ни трудовъ, ни напряженія безпрестанной дѣятельности, чтобы только удостойться благоволительнаго взора своего государя, и я убѣжденъ, что онъ готовъ принести всякую жертву для того, чтобы вѣрность и привязанность къ особѣ царской подтвердить на самомъ дѣлѣ. Изъ этого источника проистекало, вѣроятно, также предложеніе его подъ Варною, сдѣланное его императорскому величеству“.

Графъ сообщилъ мнѣ это обстоятельство, но вмѣстѣ съ тѣмъ

просилъ меня содержать сообщенное въ тайнѣ, что я донинѣ и исполнилъ.—„Исполненіе этого предложенія превосходило его силы, но я уважалъ такое доказательство усердія и доброй воли и до конца жизни моей всегда буду его почитать, какъ бывшаго моего начальника, оказывавшаго мнѣ тогда всегдѣшнее свое расположеніе“.

О вельможахъ, окружающихъ государя императора.

— „Графъ Кочубей, графъ Ѳедоръ Паленъ (бывшій также въ Адрианополѣ при заключеніи мира съ турками), князь Александръ Голицынъ, графъ Нессельроде, Сперанскій, графъ Канкринъ, старики—Мордвиновъ, Шишковъ, Энгель — составляютъ съ тѣми особами, о которыхъ я съ тобою уже говорилъ, твердыя основы престола нашего любимаго государя. Это государственные сановники, одаренные всѣми достоинствами ума и превосходнаго образованія, любовью къ отечеству, правосудіемъ и нелицемѣрною преданностію къ Монарху“.

Сообщеніе любопытныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ дарованіе полусабли, врученной Его Величествомъ фельдмаршалу.

Однажды утромъ, я, пошедши къ фельдмаршалу, засталъ его за навязываніемъ темляка къ рукояткѣ полусабли. Это подало мнѣ поводъ напомнить ему обѣщаніе сообщить мнѣ подробныя обстоятельства объ этомъ подаркѣ государя императора.

— „Эта полусабля“—сказалъ онъ мнѣ—„составляетъ драгоценнѣйшее сокровище моего имущества, она мнѣ дороже бриллиантоваго украшенія ордена св. Андрея; дороже самаго фельдмаршальскаго жезла“ — продолжалъ графъ въ чувствительномъ раздраженіи, вспоминая обстоятельство, при которомъ онъ получилъ эту полусаблю изъ рукъ царскихъ. „Государь подарилъ мнѣ эту полусаблю въ Петербургѣ, когда онъ удостоилъ меня счастья совѣщаться съ нимъ на счетъ назначенія его величествомъ новаго главнокомандующаго арміею, расположенною противъ турокъ на зимнихъ квартирахъ, потому что графъ Витгенштейнъ, по разстроенному здоровью своему, просилъ объ

увольненіи отъ дальнѣйшаго командованія этою арміею. Государь, упоминая при этомъ о многихъ генералахъ, которыхъ онъ считалъ способными занять такое назначеніе, при каждомъ изъ нихъ дѣлалъ разныя замѣчанія и возраженія, которыя клонились къ тому, что ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ ожиданіямъ и надеждамъ, которыя должны быть сопряжены съ такимъ важнымъ выборомъ, и потому его величество долго не рѣшался назначить одного изъ нихъ. Настало мгновенное молчаніе; но вдругъ засіялъ взоръ монарха огнемъ благоволенія; съ величественнымъ и неизъяснимымъ взглядомъ довѣрчивости и умиленія государь обратился ко мнѣ, сказавъ: „Я отыскалъ еще одного, который, какъ я надѣюсь, оправдаетъ всѣ мои ожиданія, если я назначу его полководцемъ моимъ. Это ты, Иванъ Ивановичъ“. И въ ту-же минуту государь, снявъ съ бедра своего эту полусаблю, передалъ мнѣ ее и продолжалъ: „Прими этотъ мечъ, который я носилъ со дня восшествія на престолъ; прими его знакомъ моего довѣрія къ тебѣ и къ твоимъ способностямъ по званію главнокомандующаго; вмѣстѣ съ симъ оружіемъ передаю тебѣ команду надъ моею арміею—для пораженія турокъ“. — Послѣ непродолжительнаго молчанія графъ продолжалъ: „Будучи тронутъ неожиданностію такого событія, тронутъ милостію и довѣренностію моего монарха, я въ то-же время былъ одушевленъ необыкновеннымъ предчувствіемъ, что мнѣ удастся оправдать надежды его величества. Слезы преданности и усердія навернулись на глазахъ моихъ. Я отвѣчалъ государю то, что восторженность сердца влигала въ уста мои. Я читалъ святымъ долгомъ внутренняго моего убѣжденія и моей благодарности къ монарху съ благоговѣніемъ принять сдѣланный его величествомъ выборъ. Милосердый Богъ, котораго милость и благословеніе я въ тотъ важный моментъ моей жизни призывалъ на помощь, услышалъ мольбу мою, давъ мнѣ возможность исполнить порученіе государя моего. Полусабля эта до гроба останется святынею моею, порукою твердаго довѣрія ко мнѣ моего монарха,—довѣрія, оправданнаго мною при помощи Провидѣнія, довѣрія самодержца, который всѣ важныя предпріятія жизни и всѣ свои поступки, какъ человѣкъ, основываетъ на вѣрѣ и полномъ упованіи на помощь Всевышняго“.

Отъѣздъ фельдмаршала пѣз Тирасполя въ Новый Миргородъ. — Щедрость и состраданіе фельдмаршала къ бѣднымъ. — Описаніе нѣкоторыхъ особенностей, привычекъ и способностей фельдмаршала.

Двухнедѣльный срокъ нашего карантина кончился; фельдмаршалъ получилъ чрезъ фельдъегеря повелѣніе пріѣхать въ Миргородъ, чтобы тамъ дожидаться пріѣзда государя. Въ день освобожденія нашего отъ узъ карантинныхъ фельдмаршалъ посѣтилъ въ крѣпости церковь, арсеналъ и госпиталь. Присутствовавъ у вечерни, мы простились съ нашими палатками, съ нашими тремя бастионами, съ нашими ночными прогулками при свѣтѣ полнаго мѣсяца, съ нашими соловьями и прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Наканунѣ нашего отъѣзда одна бѣдная женщина, мужъ которой находился въ казематѣ крѣпости, за воровство, бросилась съ тремя малолѣтними дѣтьми къ ногамъ графа. Тронутый жалостью къ несчастной, графъ отдалъ ей всѣ деньги, бывшія у него въ карманѣ, навѣрное нѣсколько сотъ рублей, и узнавъ отъ плацъ-маіора, что эта женщина весьма хорошаго поведенія и находится въ совершенной нищетѣ, графъ назначилъ ей 100 р. пенсіи до выпуска мужа на свободу. Въ подобныхъ случаяхъ графъ никогда не считалъ и не хотѣлъ знать числа денегъ, жертвуемыхъ имъ по чувству жалости къ несчастнымъ. Вообще деньги не имѣли для него почти никакой цѣнности; расходамъ своимъ онъ не велъ никакого разчета. Значительныя суммы записывались въ приходъ и въ расходъ полковникомъ Сотниковымъ. Щедрость его готова была всегда помогать бѣднымъ и страждущимъ, которые къ нему обращались съ просьбами, и онъ часто признавался въ недостаткѣ всѣхъ способностей быть хорошимъ министромъ финансовъ. Потребности жизни его были чрезвычайно умѣренны; ему совершенно равнодушны были всѣ гастрономическія ухищренія стола; онъ пилъ всякое вино и насыщался всякимъ кушаньемъ безъ разбора; одѣвался просто безъ всякой роскоши или нѣги. Густые его волосы росли безъ всякой прически, до тѣхъ поръ, пока они его не беспокоили — тогда ихъ вновь коротко подстригали. Косметическихъ средствъ онъ при туалетѣ своемъ не употреблялъ, но наблюдалъ чрезвычайную чистоту около своего тѣла. Часто онъ самъ смѣлся

надъ своимъ кокетствомъ, примѣчая, что у него были и весьма бѣлыя руки, украшенныя многими кольцами, двумя перстнями съ портретами въ Бозѣ почивающаго государя Александра и благополучно царствующаго императора Николая. Кромѣ нихъ онъ носилъ еще на пальцахъ нѣсколько колецъ, которыя онъ получилъ отъ особы, драгоцѣнныхъ его сердцу, кольцо въ память отца и матери своей, обручальное кольцо супруги и три кольца отъ сестеръ своихъ. На письменномъ его столѣ все, казалось, было разбросано въ безпорядкѣ. Карманныя книги, разной величины и разныхъ формъ, подаренныя ему родственниками; кошельки съ деньгами и безъ денегъ, нѣсколько часовъ, телескопы, термометры, бумаги, планы, нѣсколько склянокъ одеколона, употребляемаго имъ въ случаѣ головной боли, которую онъ часто при полнокровіи своемъ страдалъ, рукописи, ассигнаціи, серебро и золото, математическіе инструменты, портреты царской фамиліи и нѣкоторыхъ родственниковъ,—все сіе лежало, какъ случилось, безъ всякаго разбора или порядка. Но вѣрная его память не признавала этого хаоса безпорядкомъ. Онъ зналъ, на какомъ мѣстѣ лежала каждая вещь, бумага или книга, и во время болѣзни его въ Петербургѣ, когда онъ принужденъ былъ нѣсколько дней оставаться въ постели въ спальнѣ своей, онъ часто поручалъ мнѣ приносить ему съ письменнаго его стола разные предметы, указывая мнѣ весьма точно мѣсто, на которомъ я ихъ долженъ найти. Но всѣ его дѣла и бумаги должностныя или относившіяся къ государственной службѣ были разложены на другомъ столѣ въ чрезвычайномъ порядкѣ въ оберткахъ, на которыхъ собственною его рукою написано было содержаніе каждаго дѣла или каждой бумаги. Бумаги, собственноручно имъ писанныя, въ особенности тѣ, которыя заключали въ себѣ нѣкоторую важность, писаны были въ сокращенныхъ словахъ, не понятныхъ никому другому; чрезвычайная его память преодолевала, однако, всѣ затрудненія въ разборѣ этихъ іероглифовъ даже въ такихъ бумагахъ, которыя онъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ работалъ съ удивительною легкостью на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, которые всѣ три зналъ грамматически. На французскомъ языкѣ онъ въ особенности выражался какъ словесно, такъ и письменно съ изящнымъ совершенствомъ, а также и по-русски онъ писалъ пре-

восходнымъ слогомъ, что доказываютъ, между прочимъ, воззваніе его къ польскимъ мятежникамъ и приказъ къ вѣренной ему противъ нихъ арміи, которые имъ писаны были въ Петербургѣ и удостоились одобренія его величества. При докладѣ поступившихъ къ нему на разсмотрѣніе дѣлъ, онъ тотчасъ диктовалъ или писалъ свои резолюціи; ежели-же содержаніе ихъ заключало въ себѣ важность, онъ ихъ откладывалъ на сторону, чтобы ихъ еще разъ прочесть и потомъ уже дать свое рѣшеніе. По званію начальника штаба и фельдмаршаломъ онъ съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ нѣсколько разъ бумаги по военно-суднымъ дѣламъ, потому что отъ его мнѣнія зависѣла участь подсудимыхъ и онъ, для избѣжанія упрековъ совѣсти, ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ нарушать строгой законности, будучи, однако-же, всегда болѣе расположенъ къ уменьшенію наказанія, нежели къ строгости. Благотворительность стала ему потребностью жизни, и скромныя доказательства привязанности, дружбы и любви имѣли у него болѣе цѣнности, чѣмъ громкіе и наружные знаки почтенія и раболѣпства. Чуждый всякаго суевѣрія, онъ съ непоколебимою твердостью полагался на опредѣленную ему Богомъ судьбу. На этой увѣренности основывалась его личная храбрость въ сраженіяхъ и мужество во всѣхъ опасностяхъ, которыми онъ пренебрегалъ какъ подъ дождемъ пуль и ядеръ, такъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ жизни. Въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ и въ Бонди подъ Парижемъ, находясь въ непосредственной близости его, я удивлялся его хладнокровію. Подъ Бауценомъ, гдѣ подъ нимъ лошадь его убита была ядромъ и онъ самъ получилъ легкую контузію въ болю, я кинулся къ нему, чтобы его поднять, и спросилъ его: не раненъ-ли онъ? Графъ вмѣсто отвѣта сказалъ: „сдѣлай мнѣ дружбу, доставь мнѣ другую лошадь“. Въ сраженіи подъ Бонди предъ Парижемъ адъютантъ его сорванъ былъ съ лошади ядромъ непріятельскимъ возлѣ графа Дибича, который тотчасъ всталъ ва самое то мѣсто, гдѣ адъютантъ его былъ убитъ. Я подѣхалъ къ нему и обратилъ его вниманіе на это обстоятельство. Поблагодаривъ за мое участіе, онъ сказалъ, улыбаясь: „два ядра никогда не падаютъ въ одно и то-же мѣсто“. Во время переѣзда нашего изъ Сатунова въ Тирасполь, когда по степямъ Бесса-

рабѣи, на косогорахъ, коляска иногда совершенно склонялась на одну сторону, угрожая перекинуться, графъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы отклонить перевѣсъ на другую сторону, и когда я, однажды, сдѣлалъ ему по сему случаю мое замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: къ чему оно поможетъ? Я передаю себя моему предназначенію, противъ котораго человѣкъ, это слабое твореніе природы, тщетно противоборствуетъ“. Даже въ отношеніи къ собственному своему здоровью графъ соблюдалъ одинаковое правило; онъ мало вѣрилъ искусству медиковъ, хотя весьма уважалъ искусство хирурговъ, и, пренебрегая опасностью холеры и чумы, онъ полагалъ, что и въ этихъ болѣзняхъ боязнь содѣлаться ихъ жертвою увеличиваетъ опасность, но, впрочемъ, безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ съ головы нашей упасть не можетъ. Подвергаться строгой діетѣ ему было несносно и хотя онъ исполнялъ требованія медика, но единственно потому, что не считалъ себя въ правѣ послушаться, полагая, что жизнь его принадлежитъ болѣе государю и отечеству, нежели ему самому; но съ большимъ трудомъ удалось мнѣ увѣрить его, что питье чая по 4 и по 5 стакановъ въ вечеръ ему вредно.

Воспоминаніе о неблагопріятныхъ слухахъ, распушенныхъ на счетъ графа Дибича.

При этомъ случаѣ не могу оставить безъ вниманія обстоятельство, которое угрожаетъ въ потомствѣ запятнать славу достойнаго мужа, который въ исторіи Россіи сдѣлался безсмертнымъ памятникомъ преданности и любви къ своему монарху, славу ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей, не заслужившаго, чтобы добродѣтели его были затемнены какимъ-нибудь упрекомъ противъ нравственности его. По окончаніи послѣдней войны съ турками, въ которой переходъ чрезъ Балканы доставилъ ему, по милости государя императора, безсмертное наименованіе Забалканскаго, завистники и клеветники славы его распустили въ обѣихъ столицахъ имперіи слухъ, будто-бы фельдмаршалъ предался лишнему употребленію горячихъ напитковъ, но когда онъ возвратился въ С.-Петербургъ и отличенъ будучи вновь царскою довѣренностію назначеніемъ главнокомандующимъ противъ польскихъ мятежниковъ, тогда слухи эти сдѣлались

общимъ предметомъ разговоровъ въ городѣ, до такой степени, что стали извѣстны низшему классу жителей. Обращаясь ко всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ великимъ героемъ, великимъ и по качествамъ чистѣйшей нравственности, и ко всѣмъ тѣмъ, которые ежедневно въ продолженіе многихъ лѣтъ находились около фельдмаршала, и призываю ихъ въ свидѣтели того, что это слухи были выдуманы и распространены съ самымъ злѣйшимъ намѣреніемъ: обезславить память его. Каждого изъ этихъ клеветниковъ вызываю я представить неопровержимыя доказательства, которыя могли-бы подтвердить истину словъ ихъ. Упрекомъ этимъ ненависть и зависть пытались очернить чистѣйшую нравственность мужа, который съ ужасомъ говорилъ о порокахъ невоздержности, ведя такую скромную и умѣренную жизнь, что его можно было выставить примѣромъ, достойнымъ подражанія. Въ теченіе 25 лѣтъ я часто и довольно долго находился въ его ежедневномъ обществѣ и никогда не находилъ малѣйшаго повода къ такому невыгодному о немъ сужденію; я считалъ-бы излишнимъ и ниже достоинства моихъ чувствъ и его памяти коснуться здѣсь до такого презрѣннаго предмета, ежели подобные слухи и теперь еще не пытались-бы покрывать поношеніемъ могилу такого рѣдкаго мужа, доблестнаго и для будущихъ вѣковъ.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Новый Миргородъ. — Пріѣздъ туда турецкаго посланника Галиль-паши изъ Петербурга. — Пріѣздъ туда графа П. А. Толстаго и свиданіе его съ графомъ И. И. Дибичемъ.

Пріѣхавъ въ Миргородъ, гдѣ графу Дибичу-Забалканскому отведена была квартира въ домѣ полковника Лахмана, командира уланскаго полка, расположеннаго въ Елисаветградѣ по случаю сбора кавалеріи военнаго поселенія, чтобы имѣть счастье представиться на смотръ его императорскому величеству, графъ узналъ, что день прибытія туда государя императора еще не былъ извѣстенъ, и съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ мгновеніе, въ которое онъ полагалъ имѣть случай доложить его императорскому величеству все то, что фельдмаршалъ поручалъ мнѣ изустно передать въ Варшавѣ государю. Въ тотъ-же день прибылъ въ Миргородъ бывшій въ Петербургѣ посланникъ

рабин, на косогорахъ, коляска иногда совершенно склонялась на одну сторону, угрожая перекинуться, графъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы отклонить перевѣсъ на другую сторону, и когда я, однажды, сдѣлалъ ему по сему случаю мое замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: къ чему оно поможетъ? Я передаю себя моему предназначенію, противъ котораго человѣкъ, это слабое твореніе природы, тщетно противоборствуетъ". Даже въ отношеніи къ собственному своему здоровью графъ соблюдалъ одинаковое правило; онъ мало вѣрилъ искусству медиковъ, хотя весьма уважалъ искусство хирурговъ, и, пренебрегая опасностью холеры и чумы, онъ полагалъ, что и въ этихъ болѣзняхъ боязнь содѣлаться ихъ жертвою увеличиваетъ опасность, но, впрочемъ, безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ съ головы нашей упасть не можетъ. Подвергаться строгой діетѣ ему было несносно и хотя онъ исполнялъ требованія медика, но единственно потому, что не считалъ себя въ правѣ ослушаться, полагая, что жизнь его принадлежитъ болѣе государю и отечеству, нежели ему самому; но съ большимъ трудомъ удалось мнѣ увѣрить его, что питье чая по 4 и по 5 стакановъ въ вечеръ ему вредно.

Воспоминаніе о неблагопріятныхъ слухахъ, распущенныхъ на счетъ графа Дибича.

При этомъ случаѣ не могу оставить безъ вниманія обстоятельство, которое угрожаетъ въ потомствѣ запятнать славу достойнаго мужа, который въ исторіи Россіи сдѣлался бессмертнымъ памятникомъ преданности и любви къ своему монарху, славу ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей, не заслужившаго, чтобы добродѣтели его были затемнены какими-нибудь упрекомъ противъ нравственности его. По окончаніи послѣдней войны съ турками, въ которой переходъ чрезъ Балканы доставилъ ему, по милости государя императора, бессмертное названіе Забалканскаго, завистники и клеветники славы не пустили въ обѣихъ столицахъ имперіи слухъ, маршалъ предался лишнему употребленію, но когда онъ возвратился въ С.-Петербургъ вновь царскою довѣренностію назначенъ противъ польскихъ партизановъ, то

общимъ предметомъ разговоровъ въ кругу
 что стали извѣстны низшему классу жи-
 всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай на-
 сношеніяхъ съ этимъ великимъ героемъ, в-
 ствамъ чистѣйшей нравственности. |
 ежедневно въ продолженіе множи-
 фельдмаршала, и призывая ихъ въ
 слухи были выдуманы и распростра-
 намѣреніемъ: обезславить память го-
 никовъ вызываю я представить во-
 втория могли-бы подтвердить все
 этимъ ненависть и зависть пытали-
 ственность мужа, который съ ужас-
 воздержности, ведя такую скромную
 его можно было выставить примѣ-
 Въ теченіе 25 лѣтъ я часто и въ
 ежедневномъ обществѣ и иногда и
 въ такому невыгодному о немъ сти-
 нимъ и ниже достоинства моихъ въ
 здѣсь до такого презрѣннаго ~~человѣка~~
 и теперь еще не пытались-бы даже
 такого рѣдкаго мужа, доблестнаго. :

Пріѣздъ фельдмаршала въ Норман-
 посланника Галиль-паши изъ Порта.
 стаго и свиданіе его. -

Пріѣхавъ въ Мирго-
 отведена была квартира
 дира уланскаго полка.
 случаю сбора кавалеріи
 представиться на счетъ.
 Удѣль, что день

Оттоманской порты Галиль-паша, который, явившись къ фельдмаршалу, былъ принятъ имъ весьма ласково. На другой день вечеромъ ожидали также начальника всѣхъ военныхъ поселеній графа Толстаго, бывшаго прежде по службѣ старше графа Дибича, который въ уваженіе дружескихъ между ними отношеній, въ знакъ признательности и почтенія, хотѣлъ его предупредить посѣщеніемъ на его квартирѣ. Для этого и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія, но графъ Толстой, вѣроятно, предвидѣлъ или ожидалъ эту вѣжливость со стороны графа Ивана Ивановича и пріѣхалъ прямо (не заѣзжая къ себѣ) къ фельдмаршалу. Свиданіе ихъ было, повидимому, весьма искренно и дружелюбно. На другой день всѣ генералы и вельможи, бывшіе въ Миргородѣ, отправились въ Елисаветградъ для встрѣчи тамъ монарха; одинъ фельдмаршалъ остался въ явномъ нетерпѣніи получить назначеніе, гдѣ и когда ему представится его императорскому величеству. Въ 11 часовъ вечера прибылъ ожидаемый фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величеству благоугодно было, чтобы графъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ дожидался прибытія туда государя императора. Мы тотчасъ отправились въ дорогу и прибыли въ назначенное мѣсто въ два часа пополудни. Графъ въ парадномъ мундирѣ, украшенный всѣми орденами, полученными имъ отъ щедротъ двухъ государей Россіи, держа рапортъ о состояніи ввѣренной ему арміи, завернулся въ свой плащъ и легъ на покрытую ковромъ солому передъ дверьми бивачной хижины, попросивъ меня разбудить его тотчасъ по прибытіи казака, посланнаго на вторую станцію.

Отъѣздъ фельдмаршала на послѣднюю почтовую станцію передъ Елисаветградомъ, чтобы тамъ дожидаться пріѣзда его величества.—Прибытіе государя и милостивая встрѣча, оказанная графу Дибичу.

Ночь была довольно холодная, множество цвѣтовъ и свѣжая, только что скошенная, трава были разсыпаны на площадкѣ передъ хижиною станціи. Первые лучи утренней зари раскрашивали восточный край яснаго и безоблачнаго небосклона. Графъ спалъ крѣпкимъ сномъ, но весьма недолго, потому что вскорѣ казакъ на покрытомъ пѣною конѣ прискакалъ съ извѣ-

стіемъ, что государь ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Все вокругъ насъ встрепенулось, и съ радостною торопливостью вывели приготовленныхъ въ упряжи прекрасныхъ лошадей. Графъ, пробужденный шумомъ, всталъ и вышелъ на дорогу съ яснымъ лицомъ; зоркій глазъ его искалъ въ степи предметъ своего нетерпѣливаго ожиданія. „Видишь ты“—сказалъ онъ мнѣ—„вихремъ поднятый пыльный столбъ, съ нимъ приближается государь нашъ“, и, пробѣгая глазами приготовленный рапортъ, прохаживался медленными шагами. Пыльное облако мчалось ближе и ближе, и среди него мы уже могли распознавать царскую коляску, которую четверка лошадей несла съ быстротою соколиного полета; застегнутый фартукъ упалъ и высокій величественный станъ нашего государя поднялся изъ экипажа. Коляска остановилась, государь, со словами: „Иванъ Ивановичъ!“ выпрыгнулъ изъ коляски и, не принявъ рапорта отъ графа, прижалъ его къ своей царской груди. Я, стоявъ въ почтительномъ разстояніи, ничего не могъ слышать, какъ его величество привѣтствовалъ графа. Вдругъ послышался мнѣ опять голосъ государя: „Арсентій“ (имя придворнаго лакея, служившаго у графа)—„сюртукъ графу“! Фельдмаршалъ удалился, чтобы исполнить милостивое дозволеніе своего государя, который, подошедъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и прибавилъ: „Бенкендорфъ сядетъ къ тебѣ, а графъ поѣдетъ со мной“. Въ одно мгновеніе новыя лошади были запряжены и опять вихремъ помчались наши экипажи по дорогѣ къ Елисаветграду. Графъ Бенкендорфъ во-время дороги разспрашивалъ меня съ видимымъ участіемъ на счетъ фельд-маршала.

Прибытіе въ Елисаветградъ.—Новое назначеніе, полученное фельдмаршalomъ.

По истеченіи прошествія полутора часа, раздался звонъ колоколовъ Елисаветграда и громкое ура его жителей доказывало, что мы подъѣхали ко дворцу. Для графа Дибича приготовлена была квартира въ домѣ графа Витта, гдѣ я и расположился въ ожиданіи Ивана Ивановича. Тутъ возвратился графъ Виттъ изъ дворца и сообщилъ мнѣ съ радостнымъ восторгомъ, что государь, принявъ отъ начальниковъ войскъ рапорты, отдалъ ихъ фельдмаршалу, приказавъ ему всемилостивѣйше вступить опять,

какъ прежде, въ должность начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Графъ Виттъ, казалось, былъ весьма обрадованъ этимъ назначеніемъ, и, дѣйствительно, фельдмаршалъ полагалъ, что онъ принадлежитъ къ числу преданныхъ ему друзей. Но зная изъ словъ графа Дибича, что онъ хотѣлъ на первое время, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пользоваться отпускомъ за границу, я удивился внезапной перемѣнѣ вступленія его вновь въ должность начальника штаба. Графъ Виттъ продолжалъ, что его величество изволилъ повелѣть фельдмаршалу занять во дворцѣ комнаты, назначенныя для помѣщенія графа Бенкендорфа, почему послѣдній перейдетъ къ нему въ домъ. Въ это время явился ко мнѣ фельдъегерь, который подтвердилъ слова графа Витта, и я тотчасъ отправился во дворецъ къ графу Дибичу-Забалканскому, котораго засталъ при занятіи бумагами за письменнымъ столомъ. Когда я сообщилъ ему переданное мнѣ извѣстіе, онъ мнѣ сказалъ: „То, что тебѣ передалъ графъ Виттъ, заключаетъ наполовину истину. На первый случай я останусь здѣсь, но о новомъ назначеніи моемъ въ прежнюю должность еще ничего не рѣшено, и ежели тебя спросятъ на счетъ этого предмета, то и ты отзовись неопредѣленно“. Между тѣмъ, во все время пребыванія Его Императорскаго Величества въ Елисаветградѣ всѣ дѣла служебныя передавались для исполненія графу Ивану Ивановичу; онъ занимался ими почти цѣлый день, такъ что я рѣдко имѣлъ случай его видѣть, а еще меньше говорить съ нимъ. Я удостоился счастья во все это время быть приглашеннымъ къ обѣдамъ за царскимъ столомъ, гдѣ государь, увидавъ меня въ первый день, въ нѣсколькихъ словахъ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за то, что я пріѣздомъ моимъ въ Бургасъ участвовалъ къ успокоенію и къ утѣшенію фельдмаршала.

Его Императорское Величество пребылъ въ Елисаветградѣ около трехъ сутокъ. Благопріятная, чистая и теплая погода способствовала производству смотра и маневровъ поселенной кавалеріи къ совершенному удовольствію монарха.

Отъѣздъ фельдмаршала въ Кіевъ.—Пріѣздъ его туда и посѣщеніе графа Сакена.—Проектъ указа, доставленнаго фельдмаршалу отъ графа Кочубея.—Отъѣздъ мой въ С.-Петербургъ.—Письма, полученныя мною отъ фельдмаршала.

Государь отправился, безъ сопровожденія фельдмаршала, въ нѣкоторые мѣста военнаго поселенія кавалеріи для осмотра собранныхъ тамъ войскъ. Графъ отправился въ тотъ-же день со мною въ Кіевъ, куда Его Величество намѣревался также вскорѣ прибыть. По пріѣздѣ нашемъ въ Кіевъ графъ Иванъ Ивановичъ тотчасъ отправился къ фельдмаршалу графу Сакену, взявъ меня съ собою, чтобы представить меня его сіятельству, какъ близкаго своего родственника. На другой день прибылъ въ Кіевъ Его Императорское Величество. Въ этотъ-же день фельдъегерь привезъ на имя графа Ивана Ивановича конвертъ отъ графа Кочубея изъ Петербурга. Конвертъ этотъ содержалъ въ себѣ программу печатнаго указа, въ которомъ изложены были благодѣтельныя намѣренія Государя Императора преобразовать повинности и отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и произвести нѣкоторые другія перемѣны по службѣ гражданскихъ чиновниковъ. Фельдмаршалъ далъ мнѣ прочесть эту программу, обязавъ меня сохранить содержаніе ея въ тайнѣ, что я донынѣ свято исполнилъ. Мнѣнія графа о содержаніи программы обнаруживали совершенное его согласіе и увѣренность, что благонамѣренные виды правительства проистекаютъ изъ чистѣйшаго источника: благодѣтельной воли Государя Императора; но графъ полагалъ, что время къ исполненію этихъ предположеній еще не настало, хотя нѣкоторые изъ нихъ съ большою пользою для правительства и для благосостоянія подданныхъ могли-бы безъ отлагательства быть приведены въ дѣйствіе. И здѣсь, въ Кіевѣ, я рѣдко видѣлся съ графомъ, потому что онъ почти безотлучно находился при государѣ. Чрезъ три дня я на нѣсколько мѣсяцевъ разлучился съ графомъ: меня отправили въ Петербургъ, а онъ поѣхалъ чрезъ Варшаву, въ прусскую Силезію, для свиданія съ своими родственниками. Онъ тамъ оставался недолго и, не побывавъ въ Берлинѣ, возвратился чрезъ нѣсколько недѣль въ Тульчинъ, гдѣ находилась бывшая его главная квартира. Во время его пребыванія въ чужихъ краяхъ я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, которыя,

по оригинальности содержанія, заслуживаютъ быть здѣсь упомянутыми.

Изъ Варшавы, отъ 19-го іюня 1830 года:

„Прости, любезный, что я только въ нѣсколькихъ строкахъ могу изъяснить тебѣ благодарность мою какъ за два письма твои, такъ и за дружеское твое предложеніе касательно службы твоей на будущее время; я очень признателенъ тебѣ за твою братскую любовь и добрую волю, но мои обстоятельства, кажется, принимаютъ другой видъ, впрочемъ, мы обо всемъ поговоримъ лично. Я полагаю, что до возвращенія въ Петербургъ я пробуду въ Кіевѣ и Тульчинѣ не болѣе какъ до 20 или 25 іюля, послѣ чего надѣюсь еще одинъ мѣсяцъ отдохнуть безъ занятій. Здѣсь въ Варшавѣ все кончилось благополучно, и радостно видѣть, какъ всѣ привязаны къ государю“. — „На вѣки остаюсь“. —

Изъ Тульчина, отъ 17-го іюля:

„13-го сего мѣсяца я благополучно прибылъ сюда и надѣюсь 29-го числа вечеромъ быть на станціи Городецъ, близъ Луги. Прошу тебя пріѣхать туда ко мнѣ на встрѣчу, чтобы намъ вмѣстѣ доѣхать до Царскаго села. Впрочемъ, до того времени я еще напишу тебѣ нѣсколько строкъ, которыя извѣстятъ тебя о времени прибытія моего въ Городецъ, откуда заѣдемъ на нѣсколько часовъ къ сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ, а затѣмъ въ Царское село. Хотѣлось-бы мнѣ оттуда заѣхать на Волково владѣнціе, чтобы тамъ отдать послѣдній долгъ у гроба жены моей. Потрудись узнать, назначена-ли мнѣ квартира въ Зимнемъ дворцѣ. Князь Волконскій полагалъ помѣстить меня въ комнаты, которыя прежде занималъ принцъ Виртембергскій; но старайся освѣдомиться объ этомъ съ большою скромностію; обратись къ Селявину, ежели князя Волконскаго нѣтъ въ столицѣ. Если-же по этому предмету не сдѣлано распоряженіе, то я остановлюсь въ гостинницѣ Лондонъ. Прошу тебя не говорить никому о всемъ томъ, что я тебѣ здѣсь написалъ“.

Изъ Тульчина, отъ 21-го іюля 1830 г. Выписка. „Весьма желаю, чтобы меня по пріѣздѣ въ Петербургъ приняли безъ всякой пышности или отличія. Намѣреваясь первое время провести въ кругу родственниковъ и старыхъ испытанныхъ мною друзей, я объ этомъ пишу сегодня графу Чернышеву. Постарайся побывать у его сіятельства и, ежели возможно, съ нимъ пере-

говорить, на счетъ изъясненнаго ему мною желанія, чтобы потомъ все слышанное передать мнѣ, когда съ тобою увижусь“.

Прибытіе графа Дибича изъ Тульчина въ С.-Петербургъ.—Аудіенція у его величества.—Сообщеніе государемъ фельдмаршалу новаго назначенія послужбѣ.

Графъ Иванъ Ивановичъ, пробывъ сутки въ кругу моего семейства на дачѣ, недалеко отъ города Луги, возвратился въ Петербургъ 30-го іюля, въ тотъ самый вечеръ, въ который его императорское величество намѣренъ былъ отправиться въ Финляндію. Государь дозволилъ графу тотчасъ представиться и графъ сообщилъ мнѣ, что аудіенція его продолжалась довольно долго, что государь принялъ его весьма благосклонно и милостиво, прибавивъ: „благодарность и любовь къ монарху налагають на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его велиествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ и приближающейся старости, но я охотно и радостно принесу любимому мною монарху эту жертву самоотверженія“.

Квартира графу, по повелѣнію государя, назначена была въ Шепелевскомъ дворцѣ. Передъ уходомъ моимъ фельдмаршалъ разсказалъ мнѣ, что онъ на другой день обязанъ вступить въ новую свою должность, назначенную государемъ, но что сопряженныя съ симъ вступленіемъ обстоятельства его нѣсколько затрудняютъ, потому что занятіе новой должности касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить какъ друга ¹⁾.

—„Я предвижу“—говорилъ онъ—„что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предмѣстникъ мой будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и эту жертву; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно“.

---

¹⁾ Графъ А. И. Чернышевъ.

Извѣстіе, полученное изъ Парижа, о народномъ возстаніи и о перемѣнѣ тамошняго правительства.—Разсужденія фельдмаршала о послѣдствіяхъ сего событія.—Вліяніе оного на новое назначеніе графа Дибича.

На другое утро въ пять часовъ графъ потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня съ лицомъ, выражавшимъ заботу и задумчивость. „Меня ночью разбудилъ графъ Ливенъ“—сказалъ онъ мнѣ—„изъ Парижа получены депеши съ извѣстіемъ, что тамъ вспыхнула народная революція, кончившаяся, послѣ кровопролитнаго побоища между жителями и войскомъ, тѣмъ, что король Карлъ X сложилъ корону и правленіе. Я предвижу, что это неожиданное событіе, которое я, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсказывалъ, повлечетъ за собою самыя важныя послѣдствія. Общая европейская война почти неизбѣжна. По моему мнѣнію, для Россіи необходимо безъ потери времени подвинуть сильную армію въ Польшу, чтобы съ достоинствомъ своего величія быть готовою на все, налагая притомъ оковы на всѣ крамольныя предпріятія какъ тамъ, такъ и въ Рейнскихъ провинціяхъ. Приготовившись къ бою, мы въ большихъ массахъ должны сосредоточивать наши арміи на крайнихъ границахъ Запада. Извѣстіе о происшествіи въ Парижѣ остановило на первый случай мое намѣреніе, которое я тебѣ сообщилъ вчера, давъ ему другое направленіе, въ томъ предположеніи, что государь, можетъ быть, употребить меня на военномъ поприщѣ опять полководцемъ. Вслѣдствіе такого предположенія, я до возвращенія государя останусь въ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе, что я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои“. Фельдмаршалъ желалъ, чтобы я эти сообщенія сохранилъ-бы въ тайнѣ. „Вѣроятно“—продолжалъ онъ—„его величество для рѣшенія вопроса о предлагаемыхъ мною мѣрахъ соберетъ особенный совѣтъ, но я опасаясь найти тамъ многихъ противниковъ моимъ мнѣніямъ, преимущественно графа Канкрина, который, какъ министръ финансовъ, дорожитъ денежными расходами государства, но не менѣе того положеніе дѣлъ въ Европѣ, по моему мнѣнію, требуетъ этихъ жертвъ, ибо духъ времени и раздраженность народовъ мнѣ извѣстны, почему самая предосторожность повелѣваетъ приступить къ исполненію предполагаемыхъ мною мѣръ“.

Занятія графа Дибича до возвращенія государя изъ Финляндіи.—Аудіенція у его величества на Елагиномъ острову.

До пріѣзда государя императора изъ Финляндіи графъ занимался постоянно разборомъ бумагъ и, окруженный планами различныхъ государствъ, обрабатывалъ военныя операціонныя предположенія до глубокой ночи.

3-го августа по утру, когда я пріѣхалъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ приглашенъ былъ на Елагинъ островъ къ государю, возвратившемуся ночью изъ своей поѣздки. Черезъ нѣсколько часовъ графъ вернулся оттуда и сказалъ мнѣ:

— „Я уже нашелъ государя за занятіями въ своемъ кабинетѣ, выслушавшимъ докладъ одного изъ своихъ государственныхъ первостепенныхъ сановниковъ (графъ назвалъ его) ¹⁾. Его величество удостоилъ меня благосклоннаго приѣма и когда вельможа, считая нужнымъ окончить докладъ, закрылъ начатую читать бумагу, его величество изволилъ сказать: „Полагаете-ли вы, что у меня предъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ какая-нибудь тайна? Извольте продолжать“. — Вскорѣ докладъ кончился, и когда я съ государемъ остался наединѣ и изложилъ его величеству причину, по которой до его пріѣзда не вступилъ въ назначенную мнѣ новую должность, его величество одобрилъ мою предусмотрительность. Касательно парижскихъ событій и ихъ вѣроятныхъ послѣдствій онъ во многихъ частяхъ изволилъ со мною согласиться и столь-же милостиво выслушалъ со вниманіемъ мои предположенія о необходимости предварительныхъ военныхъ диспозицій. Въ дипломатической-же прозорливости и предусмотрительности переворотовъ, могущихъ послѣдовать въ Европѣ, государь преимущественно передъ всѣми его министрами отличался чрезвычайнымъ талантомъ отгадывать весьма быстро происшествія, послѣдовавшія въ скоромъ времени потомъ“.

---

¹⁾ Это былъ, вѣроятно, графъ Нессельроде.

Возстаніе въ Бельгій и порученіе, данное фельдмаршалу въ Берлинѣ. — Духовное завѣщаніе графа Дибича.

13-го августа 1830 г. первыя искры возмущенія противъ правительства вспыхнули яркимъ пламенемъ въ Брюсселѣ, 28-го того-же мѣсяца произошли народныя волненія въ Дрезденѣ. При полученіи этихъ извѣстій графъ замѣтилъ, какъ вѣрно сбылись его предсказанія, и сообщилъ мнѣ при этомъ, что его величество рѣшилъ послать его въ дипломатическомъ отношеніи по весьма важному предмету въ Берлинъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ его разговора со мною я могъ догадаться въ чемъ состояло это посланіе, но какъ графъ, казалось, хотѣлъ скрыть эту тайну, то я считалъ неумѣстнымъ вникать въ дальнѣйшія подробности.

Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Берлинъ, графъ сдѣлался молчаливымъ и печальнымъ и, передавъ мнѣ сложенную бумагу, сказалъ: „Я привыкъ при каждомъ случаѣ, удаляющемъ меня на неопредѣленное время отъ моихъ родныхъ, оставлять имъ мое духовное завѣщаніе; такимъ образомъ, я и теперь намѣренъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что смерть жены моей перемѣнила прежнія назначенія о моемъ наслѣдствѣ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, прочти эту бумагу со вниманіемъ, она заключаетъ въ себѣ мою послѣднюю волю, и съ свойственною тебѣ откровенностью скажи, раздѣлили-ли я безошибочно мое имущество на равныя части между моими родственниками“. — Я считалъ своею обязанностію исполнить желаніе графа; но такъ какъ переданная бумага содержала въ себѣ предположеніе о смерти его, то встревоженный участіемъ въ потерѣ, могущей поразить насъ всѣхъ, я безъ вниманія, со слезами въ глазахъ пробѣжалъ его духовное завѣщаніе, да и самый предметъ даннаго мнѣ порученія былъ столь нѣжнаго свойства, что этотъ новый знакъ довѣрія графа ко мнѣ тронулъ меня до глубины души, а потому я безъ всякихъ съ моей стороны замѣчаній возвратилъ ему бумагу, сказавъ ему, что, по моему убѣжденію, я не нахожу ни малѣйшаго пристрастія въ раздѣлѣ его наслѣдства, тѣмъ болѣе, что имѣніе его благопріобрѣтенное и мы на оное никакого законнаго права имѣть не можемъ.

День отъѣзда его насталъ. Государь находился въ Царскомъ

селѣ и графъ долженъ былъ отправиться туда на прощальную аудіенцію; я страдалъ простудною лихорадкою, но графъ, не зная сего, пригласилъ меня проводить его до Царскаго села, я исполнилъ это желаніе. Графъ, возвратившись отъ его величества, приказалъ портфель свой съ бумагами перенести въ мою комнату, въ которой я, по болѣзни, принужденъ былъ лежать на постели. Вошедши ко мнѣ, графъ сказалъ: „хочу послѣднія минуты моего здѣсь пребыванія провести съ тобою, любезный другъ“. Взявъ мою руку и снявъ съ перста своего кольцо съ большимъ изумрудомъ, онъ отдалъ его мнѣ. „Это кольцо принадлежало женѣ моей; другое, точно такое, имѣю я; мы попеременно носили ихъ и въ этомъ отношеніи оно мнѣ весьма драгоценно. Прими его отъ меня въ знакъ дружеской моей признательности къ тебѣ за всѣ доказательства твоей любви ко мнѣ, за самоотверженіе, съ которымъ ты, отецъ многочисленнаго семейства, пріѣхалъ ко мнѣ въ Бургасъ зачумленный, за заботливость и старанія, которыя ты оказывалъ женѣ моей на смертномъ ея одрѣ. Я останусь вѣчнымъ твоимъ должникомъ. Носи кольцо это въ память истинной моей приверженности къ тебѣ“. Я не находилъ словъ отвѣчать ему на эти доказательства нѣжной его родственной любви; я обнялъ его со слезами на глазахъ. Онъ пробылъ еще съ полчаса у меня въ комнатѣ; подѣхалъ дормезъ, онъ простился со мною и уѣхалъ.

Изъ Берлина я отъ него получилъ 5 писемъ: отъ 7, 11, 23-го сентября, отъ 10-го и 26-го октября. Содержаніе ихъ касалось до предметовъ семейныхъ, до благосклоннаго пріема его со стороны прусскаго короля и всей королевской фамиліи.

Возстаніе въ Варшавѣ.—Отъѣздъ фельдмаршала изъ Берлина и прибытіе его въ Петербургъ.

Крамольное возстаніе Польши, вспыхнувшее въ Варшавѣ, побудило графа оставить Берлинъ и возвратиться въ Петербургъ. Будучи извѣщенъ о времени вѣроятнаго его прибытія, я поѣхалъ къ нему на встрѣчу до Ямбурга. Онъ этимъ новымъ доказательствомъ моей дружбы былъ чрезвычайно обрадованъ. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: „Къ сожалѣнію моему, предсказанія мои сбылись. При полученіи извѣстія о парижскомъ возмущеніи

я считалъ необходимымъ, чтобы сильная армія наша заняла бы Польшу, хотя тогда и не предвидѣлъ, что такое распоряженіе предупредить непременно возстаніе въ Варшавѣ и Россія не будетъ вовлечена въ войну, послѣдствія которой неисчислимы потому уже, что она должна быть ведена противъ взбунтовавшагося народа, ослѣпленнаго древнею враждою и пламеннымъ энтузіазмомъ, готоваго притомъ употребить всевозможныя средства, чтобы избѣгнуть заслуженной казни пожертвованіемъ самой жизни. Въ то время собранный государемъ совѣтъ не соглашался съ моимъ мнѣніемъ, желая сберечь напрасныя, можетъ быть, денежные расходы, которые теперь должны будутъ удвоиться, потому что обстоятельства требуютъ дѣйствія со всевозможною скоростію, въ невыгодное для военныхъ операцій время, что тогда могло быть произведено во время лѣта безъ поспѣшности и отклонило-бы отъ Россіи войну, которая, по всей вѣроятности, будетъ чрезвычайно кровавой“.

Болѣзнь фельдмаршала въ Петербургѣ. — Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ арміи противъ польскихъ мятежниковъ. — Разговоръ о графѣ Толѣ.

На шестой день графъ заболѣлъ довольно опасно; домашній докторъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шлегель, котораго онъ почиталъ и любилъ, находился безотлучно при немъ; его участію, преданности и пособію онъ обязанъ былъ скорымъ своимъ выздоровленіемъ. Въ это время фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ предположеніе свое о томъ, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящей неизбежной войнѣ противъ возмущившихся поляковъ. Вслѣдствіе этого онъ занимался разсматриваніемъ плановъ и диктовкою мнѣ разныхъ бумагъ и распоряженій, относящихся къ предстоявшему походу. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ чрезвычайною дѣятельностью сталъ разрабатывать предварительныя распоряженія по этому предмету, сказавъ мнѣ однажды, что назначеніе его главнокомандующимъ арміею противъ польскихъ мятежниковъ рѣшено уже его величествомъ, почему онъ готовится къ выбору особъ, которыя должны составить главный его штабъ.

— „Я сегодня, сказалъ онъ,—съ разрѣшенія государя импе-

ратора, писалъ графу Толю, въ Эстляндію, и пригласилъ его занять вновь прежнее мѣсто начальника штаба во вѣрренной мнѣ арміи“. — „Въ высшихъ кругахъ Петербурга, отвѣчалъ я, — ожидали этого“. — „И что-же полагають, спросилъ графъ, — приметъ-ли графъ Толь мое предложеніе?“ — „Я графа Толя, возразилъ я, — знаю весьма мало, но по отзыву твоему въ Бургасѣ я долженъ заключить, что онъ оцѣнить дружеское твое желаніе, но публика судить иначе. Вообще полагають, что графъ Толь убѣжденъ въ томъ, что онъ кончилъ свое военное поприще и потому предпочтетъ спокойную жизнь, среди своего семейства, и сохраненіе едва возстановленнаго своего здоровья всѣмъ блистательнымъ видамъ честолюбія, которыя его могутъ ожидать среди опасностей новой кровавой войны, между тѣмъ какъ онъ теперь наслаждается всѣми столь трудно пріобрѣтенными прелестями жизни, осыпанный щедрыми дарами своего государя“. — „Твое мнѣніе, другъ мой, сказалъ мнѣ графъ, — кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ городскіе слухи. Хотя я часто ошибался въ мнѣніяхъ моихъ объ особахъ, которыя нѣкогда обязаны были мнѣ признательностью и преданностью, но въ графѣ Толѣ я, кажется, не ошибся и, судя по всему, нашелъ въ немъ человека, на дружбу и привязанность котораго я твердо могу полагаться. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней я получу его отвѣтъ. У тебя, мой другъ, я остаюсь еще въ большомъ долгу за пріѣздъ твой ко мнѣ въ Бургасъ, въ которомъ ты, кромѣ трудности дороги, подвергался еще чумѣ, и признаюсь тебѣ, мнѣ было-бы пріятно и утѣшительно, по желанію твоему, доказать тебѣ признательность и благодарность мою. Скажи мнѣ откровенно, чѣмъ могу тебѣ доставить удовольствіе?“ — „Знавъ тебя какъ родственника и друга, былъ мой отвѣтъ, — я ожидалъ отъ тебя подобнаго предложенія и приготовился тебя просить дозволить мнѣ, чтобы избранный мною живописецъ Якобъ написалъ твой портретъ во весь ростъ, подъ палаткою передъ Адрианополемъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ остался въ семействѣ моемъ знакомъ твоего дружескаго ко мнѣ расположенія“.

Тронутый до слезъ, графъ согласился охотно на просьбу мою, и хотя занятія его по службѣ не оставляли ему много свободнаго времени, однако, въ четыре дня единственно похожій на него портретъ былъ оконченъ.

На другой день фельдмаршалъ показалъ мнѣ шпагу, осыпанную брилліантами, подаренную ему королемъ Прусскимъ, въ день отъѣзда графа изъ Берлина. По желанію моему, онъ отдалъ мнѣ подлинный рескриптъ, который приложенъ былъ къ этому драгоценному подарку, равно и рескриптъ короля Баварскаго, полученный также въ Берлинѣ. Эти два рескрипта для потомства графа Ивана Ивановича довольно интересны, и потому я о нихъ и упоминаю здѣсь.

Рескриптъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III.

„Я не могу разстаться съ вами, не вручивъ вамъ знака памяти по случаю вашего здѣсь пребыванія, а потому примите приложенную при семъ шпагу, какъ доказательство моего особеннаго уваженія къ вамъ и какъ знакъ признанія заслугъ, оказанныхъ вами, къ чести христіанства, въ борьбѣ за правое дѣло во время послѣдней войны. Вашими рѣдкими воинскими дарованіями, вашимъ правосудіемъ и кротостью вы вполне достигли цѣли, предначертанной вашимъ великодушнымъ императоромъ, и утвердили на будущее время отрадную увѣренность на успѣхъ, въ случаѣ если благоденствіе народовъ и справедливость потребовали бы приняться снова за оружіе. Я молю Бога“ и проч.

Рескриптъ короля баварскаго Лудвига I.

„Одинъ изъ почитателей вашихъ не можетъ скрыть искреннее свое желаніе, чтобы вы, графъ, согласились дать нѣсколько сеансовъ профессору Рауху для изваянія вашего бюста. Этому знаменитому художнику я поручилъ изготовить оный изъ мрамора, для музея, въ которомъ помѣщаются бюсты отличившихся германцевъ, какъ еще живущихъ, такъ и умершихъ. Мы, германцы, гордимся правомъ называть васъ нашимъ.

Въ неизгладимыхъ чертахъ сіяетъ имя Дибича-Забалканскаго въ исторіи, какъ славнаго побѣдителя турокъ, какъ разрушителя ихъ державы въ Европѣ, если безпримѣрная кротость императора Николая не пощадила бы ея. Я считаю себя въ правѣ сказать, что никто изъ коронованныхъ лицъ не принималъ такого пламеннаго участія въ побѣдахъ вашихъ, какъ я“, и проч.

Мрачныя предчувствія фельдмаршала по поводу близкой смерти своей.—Разсужденія о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ предстоявшимъ походомъ.

На другой день, когда я явился къ графу, онъ со стола взялъ распечатанное письмо, сказавъ: „вотъ отвѣтъ графа Толя; какъ ты думаешь, принялъ онъ мое предложеніе или нѣтъ?“ Я не отвѣчалъ, потому что уже нѣсколько дней передъ тѣмъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ графа Толя.

—„Ожиданіе мое, продолжалъ фельдмаршалъ, сбылось; прочти письмо“... Исполнивъ его волю, я въ отзывѣ графа Толя нашелъ изъявленія преданности и дружеской признательности и готовность принять предложеніе графа Дибича.

Графъ Иванъ Ивановичъ цѣлый день былъ въ веселомъ расположеніи духа; онъ показалъ мнѣ проектъ воззванія къ арміи и другой—къ польскому народу, писанные собственною его рукою. При этомъ онъ тихо сказалъ: „я увѣренъ въ милости Бога, распредѣляющаго судьбу людей по дѣйствіямъ ихъ, подобно тому, какъ существуютъ непреложные законы въ нравственномъ, такъ и физическомъ мірѣ, а, вѣроятно, также и въ метафизическомъ, который, впрочемъ, для меня совершенно закрытъ. Въ этой увѣренности на Бога я хотя и остаюсь спокойнымъ во всѣхъ случаяхъ жизни, которымъ подвергаюсь, потому что чистая совѣсть и преданность въ святую волю Провидѣнія даютъ мнѣ эту силу душевную, но признаюсь тебѣ, любезный другъ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость подавляетъ мой духъ непреодолимою силою и темное предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу столь-же мало, какъ пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ спасеніе изъ опасности съ потерюю пріобрѣтенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня томнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой боли; я предвижу, что кинжалъ измѣны или ядъ злодѣя прекратятъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освящаетъ каждое средство, чтобы избавиться отъ опаснаго врага. И, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ полною увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ предполагаемаго

похода, считая предстоящія намъ затрудненія маловажныѣ, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не произвести унынія въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ, любезный другъ, признаюсь съ увѣренностію въ твоемъ дружелюбномъ участіи, что я разсчитываю эти затрудненія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ я ихъ выказываю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политическій горизонтъ моихъ завистниковъ, стало-быть моихъ противниковъ, я опасаюсь, что они соединенными силами постараются замедлить всѣ вспомогательныя средства къ быстрому предпринятію похода, средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Сверхъ того, свободное дѣйствіе моихъ военныхъ операцій оковано всѣми мѣрами. Но объ этомъ обстоятельствѣ я доложу государю императору, хотя и предвижу, что я, кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, оставляю за собою въ тылу легіонъ непріятелей, противъ которыхъ не стану защищаться, чтобы не уронить довѣренности моего августѣйшаго монарха и его драгоцѣннаго благорасположенія ко мнѣ, которое мнѣ будетъ служить эгидою противъ клеветъ и злобы моихъ противниковъ“.

Частныя бесѣды фельдмаршала въ кругу родныхъ.—Прощаніе съ родственниками передъ отъѣздомъ въ армію.

Подобныя меланхолическія чувства отражались въ послѣдствіи, до самаго его отъѣзда, во всѣхъ его разговорахъ въ тѣсномъ кругу родныхъ своихъ, которыхъ онъ ежедневно приглашалъ къ себѣ.

Вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда къ арміи сказалъ онъ намъ: „Вѣроятно мы сегодня видимся въ послѣдній разъ“, и когда мы его окружили, и сестра его съ нашими дѣтьми заплакали, онъ также прослезился и, обнимая ихъ всѣхъ, продолжалъ: „успокойтесь, можетъ быть предчувствіе мое обманываетъ меня, хотя оно никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ отъликахъ не представлялось моему воображенію. Я

сообщилъ вамъ опасенія мои съ тѣмъ, чтобы вы заблаговременно могли бы привыкнуть къ мысли о моей потерѣ“.

На другое утро онъ насъ оставилъ безвозвратно; мы лишились навсегда благодѣтеля, друга и брата, его мудрыхъ совѣтовъ, его помощи и утѣшенія въ злополучныхъ случаяхъ жизни, и я и все мое семейство осиротѣли навсегда, потерявъ въ немъ поддержку и отца.

Выдержки изъ писемъ графа Дибича, писанныхъ къ барону Б. К. Тизенгаузену изъ дѣйствующей арміи въ 1831 году.

По пріѣздѣ его въ главную квартиру арміи, я получилъ отъ него много писемъ, изъ которыхъ сообщаю здѣсь нѣкоторые выписки (въ переводѣ), замѣчательныя содержаніемъ своимъ. Подлинники этихъ писемъ (на нѣмецкомъ языкѣ) хранятся у меня.

I.

Динабургъ, 23-го декабря 1830 года.

... „Всѣ свѣдѣнія, доставленныя ко мнѣ изъ арміи, и все, что я здѣсь видѣлъ и наслѣлъ, оживляютъ меня двойною надеждою на скорое окончаніе похода съ помощью Бога“.

„Лихорадка меня минула, но кашель не совершенно еще бросилъ меня. Мои физическія силы еще довольно слабы. Но первый пушечный выстрѣлъ подкрѣпитъ ихъ и я надѣюсь, что и послѣдній раздѣлся не долго послѣ перваго“.

IV.

Гродно, отъ 18-го января 1831 г.

... „Я полагаю 20-го числа сего мѣсяца отправиться въ Бѣлостокъ, а менѣе какъ чрезъ недѣлю начать военныя операціи въ твердой надеждѣ на покровительство Всевышняго съ полною увѣренностью въ отличный мужественный духъ войскъ нашихъ, который я встрѣчалъ повсюду. Хотя намъ много предстоитъ затрудненій въ зимнемъ походѣ, но имъ подвергается и непріятель, привыкшій къ нимъ менѣе нашего“.

V.

Милосна, 12-го февраля 1831 г.

... „Всѣ обстоятельства возбуждаютъ во мнѣ лучшія надежды, тѣмъ болѣе, что князь Шаховской уже сегодня соединился со мною и прекрасный русскій морозъ приготовляетъ намъ вѣрный переходъ черезъ Вислу“.

VI.

Грохово, подъ Прагою, 14-го февраля 1831 г.

... „Послѣ кровопролитнаго сраженія, какого подобнаго въ теченіе моеѣ военной жизни мнѣ еще не случалось видѣть, войска наши, подъ старыми укрѣпленіями Праги, разбили армію мятежниковъ, обративъ ихъ въ совершенное бѣгство, которое остановлено было только артиллеріею, поставленною на высотахъ, окружающихъ Прагу. Въ предмѣстьѣ ея непріятель нашелъ нѣкоторое убѣжище, оставивъ, однако, ночью городъ, занялъ малый тѣде-понъ у Вислы, переправивъ чрезъ эту рѣку остатки своей почти уничтоженной пѣхоты. Потеря людей съ обѣихъ сторонъ весьма значительна, однако, со стороны непріятеля болѣе, чѣмъ съ нашей. Такъ какъ польская артиллерія по большей части находилась вблизи Праги въ укрѣпленіяхъ, то мы отвели у поляковъ только три орудія и 20 зарядныхъ ящиковъ; но многія тысячи брошенныхъ ружьевъ, пикъ, косъ, киверовъ и сумокъ, равно чрезвычайно большое число барабановъ, доказываютъ совершенное бѣгство непріятеля, у котораго три полка пѣхоты совершенно истреблены. Знаменъ у него не имѣлось“.

„Уланы великаго князя и кирасиры 3-й дивизіи, въ особенности полкъ принца Альберта, болѣе всѣхъ отличились“.

VIII.

Сеница, 26-го февраля 1831 г.

„Безпрестанно перемѣнивая погода, вслѣдствіе которой Висла до сихъ поръ еще не разошлась, замедляетъ чрезвычайно наши военныя дѣйствія, потому что до прохода льда невозможно съ увѣренностью въ успѣхѣхъ навести мостъ“.

X.

Сеница 12-го марта 1831 г.

„Погода у насъ здѣсь стоитъ чрезвычайно дурная и дороги совершенно испортились, что останавливаетъ наши операціи и причиняетъ мнѣ большія непріятности, но терпѣніе и постоянство—первыя добродѣтели въ войнѣ, и въ скоромъ времени можно будетъ перейти черезъ Вислу“.

XI.

Сеница, 15-го марта 1831 г.

„Здоровье мое въ весьма посредственномъ положеніи; довольно продолжительное замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и неблагоприятная погода служатъ тому болѣе всего причиной. Теперь, слава Богу, настали порядочные морозы, которые въ скоромъ времени высушатъ дороги и тогда, надѣюсь, съ Богомъ переправится чрезъ Вислу“.

XII.

Сѣдлецъ, 2-го апрѣля 1831 г.

„Въ вашемъ участіи въ постигшихъ меня затрудненіяхъ я увѣренъ. Надежда на милость Провидѣнія и чувства долга моего исполнять обязанности вѣрнаго слуги дадутъ мнѣ силу какъ перенести непріятности моего положенія, такъ и преодолѣть препятствія“.

XIV.

Шуковъ, 26-го апрѣля 1831 г.

„Намъ предстонѣтъ еще борьба со многими затрудненіями, пока намъ удастся отсѣчь послѣднюю главу гидры, родившейся въ тишинѣ злодѣйства. Потребуется еще много и большихъ жертвъ и единственная благодать неба можетъ ихъ уменьшить. Значительные успѣхи, одержанные генераломъ Крейцомъ, и бѣгство Дверницкаго въ Австрію могутъ имѣть хорошее вліяніе“.

XVI.

Послѣднее письмо фельдмаршала изъ Клешева отъ 25-го мая 1831 г.

„Любезный шуринъ. Прими сердечную мою благодарность за всѣ твои письма и за доказательства твоей дружбы, найденныя мною въ нихъ. Прости мнѣ, что я теперь только въ нѣсколькихъ строкахъ отвѣчаю на нихъ. Мнѣ неизвѣстно, находится-ли графъ Толстой еще въ Витебскѣ ¹⁾ полагаю, напротивъ того, что онъ уже приближился къ Вильнѣ, потому и поручаю фельдтегерю вручить это письмо, для доставленія къ тебѣ, князю Хованскому, ежели ты оставилъ Витебскъ“.

„Прощай, твой вѣрный другъ навсегда“.

Графъ Дибичъ скончался отъ холеры въ деревнѣ Клешево, подъ Пултускомъ, 29-го мая 1831 года, въ 11¹/₄ часовъ утра. Начальникъ штаба арміи, генералъ-адъютантъ графъ Толъ, принявъ временно начальство надъ арміею, „согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными“ (всеподданнѣйшее донесеніе графа Толя отъ 29-го мая 1831 г.).

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

Замѣтки къ Запискамъ барона Тизенгаузена о гр. Дибичѣ.

Генералъ-маіоръ баронъ Богданъ Карловичъ Тизенгаузенъ былъ женатъ на родной сестрѣ фельдмаршала графа Дибича, Аннѣ Ивановнѣ.

Записки барона Тизенгаузена о графѣ Дибичѣ были первоначально написаны на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ переведены имъ на русскій языкъ. Они предназначались для императора Николая, насколько можно судить по сохранившемуся отрывку черноваго отпуска всеподданнѣйшаго письма барона Тизенгаузена, въ которомъ сказано слѣдующее: „Удостойте высокомонаршимъ взглядомъ милостиваго вниманія трудъ сей на нѣмецкомъ языкѣ совершенный, но переводъ

¹⁾ Графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій посолъ при императорѣ Наполеонѣ (1807—1808 гг.), командовалъ въ 1831 г. резервною арміею.

котораго я въ скоромъ времени окончить могу, ежели сіе в. н. в. благоугодно будетъ повелѣть исполнить.

В. н. в. вѣрноподанный бар. Тизенгаузенъ“.

При отправленіи барона Тизенгаузена въ Бургасъ къ графу Дибичу, по случаю кончины жены его ¹⁾, императоръ Николай вручилъ генералу нижеслѣдующее собственноручное письмо къ фельд-маршалу:

I.

St.-Petersbourg, le 16 Mars 1830.

Mon cher ami, il y a des circonstances dans la vie où toutes consolations humaines sont nulles, où il n'y en a à puiser que là, d'où émane le bonheur comme les épreuves qui nous atteignent pour nous apprendre que le bonheur parfait n'est pas de ce monde. Ce ne sont pas de veines consolations, mon cher ami, que je viens vous offrir, ce n'est que pour partager un instant votre peine que je vous trace ces lignes; c'est pour vous rappeler que vous êtes chrétien et bon chrétien, et que pour ceux qui savent l'être comme vous, des épreuves aussi terribles sont des occasions pour s'avancer vers cette perfection qui doit être notre but constant et que nous ne négligeons que trop. Ce sentiment n'empêche pas de sentir vivement la perte d'être qui faisait notre bonheur sur cette terre; et c'est ce sentiment que je viens partager avec vous, mon cher ami, de toute la plénitude de mon coeur. Que le bon Dieu vous accorde Son soutien, mon pauvre cher ami, c'est à cela que je borne mes vœux pour le moment!

Après ce premier instant donné à la douleur, j'ose reporter votre attention, mon cher ami, sur l'objet de votre amour le plus fort que je vous connaisse après celui qui malheureusement n'existe plus pour vous, sur votre armée. Vous êtes à la veille de la ramener dans les foyers couvertes des lauriers qu'elle a cueillis, conduite par vous.

Les négociations ici me font espérer que même le payement que j'ai fixé pourra se faire plus vite que nous ne le pensions, et de la manière la plus commode c. à d. par des banquiers. Rien donc ne peut selon toute probabilité vous retenir plus longtemps là bas, et n'empêche que vous veniez reprendre des forces soit ici, soit partout où votre coeur désirera chercher des consolations. Je réponds ici à la lettre que vous avez adressée à Чернышевъ, et que j'ai reçu à Moscou.

---

¹⁾ Графиня Жени Дибичъ-Забалканская (Анна Егоровна), рожденная баронесса Торнау, род. 2-го ноября 1798 г., скончалась 13-го марта 1830 года. Въ 1829 г. графиня была назначена статсъ-дамою.

Je vous fait libre, mon cher ami, de faire tout ¹⁾ ce qui vous agréе, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maitre complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abimeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'Etat major de l'Empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre...

J'ai fait une course inopinée de six jours à Moscou, dont je suis revenu infiniment content et satisfait; c'est à mon retour que j'ai su le malheur qui venait de vous atteindre; je cru que l'envoi de Tisenhausen pourrait vous être agréable dans ce moment et c'est lui que je charge de cette lettre pour vous.

Courage, résignation et confiance en Dieu, voilà ce que je vous désire en ce moment, celui qui est pour la vie votre sincèrement affectionné Nicolas.

С-Петербургъ, 16-го марта 1830 года.

(Переводъ съ французскаго). Любезный другъ, есть обстоятельства въ жизни, при которыхъ всѣ человѣческія утѣшенія ничтожны, мы ихъ можемъ почерпнуть лишь въ источникѣ нашего счастья и тѣхъ испытаній, которыя намъ ниспосылаются свыше, чтобы напомнить намъ, что на этомъ свѣтѣ настоящаго счастья быть не можетъ. Это не пустое утѣшеніе, любезный другъ, къ которому я предлагаю вамъ обратиться; я пишу эти строки, чтобы хоть на минуту раздѣлить съ вами ваше горе, чтобы напомнить вамъ, что вы христіанинъ и хорошій христіанинъ, и что для тѣхъ, которые слѣдуютъ ученію Христа, подобно вамъ, такіа тяжкія испытанія помогаютъ достигнуть то совершенство, которое должно быть нашей постоянной цѣлью и которыми мы часто пренебрегаемъ. Но это чувство не мѣшаетъ глубоко скорбѣть о потерѣ людей, которые составляли наше счастье въ жизни, и вотъ это чувство я желаю раздѣлить съ вами, любезный другъ, отъ всего сердца. Молю Бога поддержать васъ въ этомъ горѣ, мой бѣдный, дорогой другъ; вотъ въ чемъ заключаются въ настоящее время мои пожеланія!

Послѣ первыхъ минутъ, посвященныхъ горю, смѣю обратить ваше вниманіе, любезный другъ, на предметъ вашей сильнѣйшей любви, послѣ той, которая, къ несчастію, уже не существуетъ для васъ,—на вашу армію. Она покрыта лаврами, приобрѣтенными подъ вашимъ предводительствомъ, и ей предстоитъ въ скоромъ времени возвратиться съ вами въ отечество.

Начатые здѣсь переговоры даютъ мнѣ надежду, что назначенная мною уплата послѣдуетъ раньше, нежели мы предполагали, и самымъ удобнымъ образомъ, т. е. черезъ банкировъ. И такъ, ничто, по всей вѣроятности, не можетъ удержать васъ долѣе тамъ и помѣшать вернуться, чтобы набраться силъ или здѣсь или повсюду, гдѣ вы пожелаете искать утѣшенія. Я теперь отвѣчаю на письмо, которое вы написали Чернышеву и которое я получилъ въ Москвѣ. Разрѣшаю вамъ, любезный другъ, дѣлать все, что вамъ угодно,

¹⁾ Три раза подчеркнуто государемъ Николаемъ Павловичемъ. Н. III.

пріѣхать сюда или отправиться за границу прямо или отсюда, однимъ словомъ, вы властны распорядиться сами собою, какъ вы пожелаете. Когда вы совершенно оправитесь, то ожидаю васъ къ себѣ для занятія прежнихъ должностей, но при другой обстановкѣ, которая избавитъ васъ отъ мелочей и предоставитъ вамъ возможность всецѣло посвятить себя главной обязанности, какъ начальнику главнаго штаба Россійской имперіи! Вотъ, любезный другъ, мои предположенія; все прочее зависитъ отъ васъ и я повторяю, что вы вполне свободны...

Я неожиданно съѣздивъ на шесть дней въ Москву и остался очень доволенъ этимъ путешествіемъ; по возвращеніи я услышалъ о несчастіи, постигшемъ васъ; я предполагаю, что пріѣздъ Тизенгаузена можетъ быть вамъ пріятнымъ въ настоящую минуту и поэтому я поручаю ему передать вамъ это письмо.

Мужество, покорность и надежду на Бога, вотъ что желаетъ вамъ въ настоящую минуту, любезный другъ, на вѣки искренно васъ любящій Николай.

II.

Письмо императрицы Александры Ѳеодоровны графу Дибичу (о которомъ упоминаетъ баронъ Б. К. Тизенгаузенъ въ своихъ Запискахъ).

С.-Петербургъ, 14-го марта 1830 года.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Когда вы получите эти строки, любезный Дибичъ, то будете уже знать о постигшемъ васъ несчастіи и погружены въ свое горе. Ваша потеря велика и незамѣнима и можетъ привести въ отчаяніе, но религіозный человекъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ искать утѣшенія. Вы — религіозны; всѣ ваши письма, написанныя въ величайшіе моменты побѣды и славы, доказываютъ, что вы надѣялись на Бога, Ему приписывали свой успѣхъ и въ тяжелыя минуты ждали отъ Него помощи. Покажите себя и въ настоящую тяжелую минуту въ этомъ свѣтѣ. Плачьте и проливайте слезы о вашей доброй супругѣ, за неимѣніемъ любви которой весь блескъ земной покажется вамъ ничтожнымъ, но мужайтесь; прошу васъ, во имя всего, что вамъ свято, не забывать важности вашего поста и помнить, что Россія и государь еще ожидаютъ отъ васъ великихъ заслугъ.

Простите все, что я вамъ написала, но я забочусь о вашей славѣ и отъ души жалѣю васъ; государь еще не пріѣхалъ и потому я сѣла писать вамъ.

Болѣзнь вашей бѣдной жены очень встревожила государя; въ каждомъ письмѣ изъ Москвы онъ говоритъ объ этомъ и о томъ, какъ онъ страшится послѣдствій этой болѣзни для васъ, для нашего храбраго Дибича. Послѣдній разъ, когда я видѣла вашу жену, въ ноябрѣ, то мы, между прочимъ, говорили съ ней о вашей непоколебимой вѣрѣ въ Провидѣніе. Видно было, какъ глубоко и искренно она васъ любила, по тому волненію, съ которымъ она объ этомъ говорила. Да сохранить васъ Богъ! Молю Небо ниспослать вамъ силу и утѣшеніе въ вашей скорби. Александра.

Сообщ. Н. Е. Шляхтеръ.